

Когда утонет черепаха

Автор:

[Слава Сэ](#)

Когда утонет черепаха

Слава Сэ

Проект Славы Сэ

Сценарист – самый главный человек в кино. Он сочиняет вселенные, где каждая деталь прекрасна. Но приходят продюсер, режиссёр, всё портят, мнут и топчут сапожищами. Поэтому самый несчастный человек в кино – тоже сценарист.

Бывают фантазии для себя одного, не для зрителя. Какой-нибудь островок, где женщины прекрасны, мужчины благородны, вино, сыр и приятный климат. Осколок плоской земли, плывущий на черепахе. Там из грехов одно обжорство. Туда можно было бы сбежать от яви и жить тихо. Если бы не население.

Хорошо написанные персонажи всегда восстают против создателя. Они бузят, ссорятся и портят идиллию не хуже того продюсера. Творец же болеет за людей, не спит и пьёт сердечные капли. Страница за страницей выдумка побеждает явь. И когда придуманная красавица вдруг входит в реальную дверь, нет никого в кино счастливее, чем сценарист.

Слава Сэ

Когда утонет черепаха

© Слава Сэ, 2018

* * *

Все герои вымышлены, события – тем более

Наш остров – единственный пример тверди, созданной Господом. Прочие земли и страны, судя по их виду и устройству, рождены большим взрывом или ещё какой неприятностью.

Оскар Шульц. «Богослов острова Муху»

Анна

Вечеринка достигла той стадии, когда никто ещё не упал, но все уже сделались стройны и остроумны. Сухое белое хозяйка спрятала как последний патрон для себя, на утро. Хозяин ходил с креном на левый борт. Говорил, это тангаж. Мужчины сели в круг, занялись теоретической войной. Самый храбрый брался обезвредить танк сапёрной лопатой. Для этого нужно вскочить на броню, накрыть перископы шинелью, а когда враги полезут, нарубить из них салат. Легко и просто.

– Слышь, пузо, ты на табуретку не запрыгнешь, – сказал неизбежный в любой компании скептик. Его не слушали. Ничто так не увлекает, как личный героизм в воображаемой войне. Кто-то брался поджечь танк лаком для волос и зажигалкой за десять центов. Другие знали, как отвёрткой сломать гусеницу или взорвать башню изнутри, насыпав в ствол песка. По всему выходило, танки крайне беззащитны перед менеджерами и бухгалтерами. Их создают исключительно для издевательств гражданского населения.

Женщины жалели какую-то Беату, догулявшуюся до развода. У мужа Беаты ничего святого, раз смог бросить такие ноги. Всякая женщина может оступиться. А некоторые и не раз. Но можно ли винить её за мечту о счастье?

В центре, задевая мебель, кружилась пара. Судя по положению рук, там сильное, искреннее чувство. Столь нежно гладить малознакомый зад может только настоящий рыцарь. Гости смотрели с пониманием, осуждением и завистью.

- Вальтер умный, пришёл без жены.

- Между прочим, она тоже замужем.

- И кто этот счастливый человек?

- Моряк. Капитан танкера.

- Интересно, он фуражку носит поверх рогов или между?

- Он дырочки провертел.

- В шторм удобно. Не сдует.

Анна обогнула танцующих, вышла на кухню. Вставила чашку в кофейный аппарат. Наугад нажала несколько кнопок. Анна уверена, что кухонную технику делают умные люди. На видном месте они расположат кнопки исполнения желаний. А кнопки самоподрыва уберут подальше, чтобы женщины не пострадали. Аппарат плюнул в чашку техническими слюнями и затих. Вошёл мужчина в пиджаке. Кажется, брат хозяйки. Его имени Анна не помнила.

- Надо капсулу вставить. - Сказал вошедший. Он привалился к косяку, смотрел снисходительно. В его присутствии Анна сделалась неловкой и технически безграмотной. А только что была отважным исследователем инопланетных роботов. Женщина отошла от аппарата, капризно скрестила руки. Мужчина хорошо знал эту кухню. Ничего специально не ища, сунул руку куда надо и достал десяток капсул.

- Латте? Эспрессо?

- Капучино, будьте любезны.

Аппарат загудел, запахло маленьким счастьем.

- Анна, можно вопрос?

- Включая заданный? То есть два вопроса?

- Зачёркиваем первый, ответьте на второй. Отчего красивые женщины ходят в гости в одиночку?

- Вам в социологическом плане?

- В личном.

- Например, муж красивой женщины мог заболеть, утомиться, улететь в Антарктиду за смешными пингвинами. А жене его, миллионерше, надоело считать миллионы. Вот она и пошла в гости.

- А в вашем случае что?

- Мы с хозяйкой квартиры пляшем в одном ансамбле. Пятнадцать лет уже. К таким подругам ходят без мужа.

- А скажите тогда...

- Вы приготовили один кофе, а запросы - будто дракона убили.

- Если управлять кофеваркой так просто, выплюньте мой кофе и сделайте себе сами.

- В следующий раз. Я просто не успела. Вы вошли раньше, чем я взялась за топор. Уверена, через минуту эта машина мне и яичницу бы приготовила.

В кухню вбежала хозяйка, розовая от вина и гормонов. Приснула как дура, сказала «ой, простите». Потом схватила мужчину в пиджаке, уволокла с собой.

Дальше были коллективные танцы, в которых Анна затмила всех. Потом играли в буриме и в крокодила. Приставал ещё один гость. Толстый, пьяный, в свитере. Этот заявил прямо.

- Ты ничего такая. Выходи за меня! Я хороший. Физик по образованию.

- А давайте просто секс? – съехидничала Анна.

Толстый почуял подвох.

- Разовая связь хорошо, но лучше регулярная. Я всё-таки за брак, – ответил он. – Давай обнимемся?

- Зачем?

- Женщины в объятиях млеют.

- Трижды я была женихов сковородами. Не представляю, как избежать четвёртого раза.

- От тебя хоть бы и сковородой – сказал толстый и стал надвигаться, раскрыв объятия. Тут вмешался мужчина в пиджаке. Рослый, представительный, сейчас он казался даже милым.

- Анечка, я готов. Можем ехать, – сказал он очень серьёзно.

- Да-да. Пора, – ответила Анна. – Чудесный был вечер. Всем пока! – пропела она, выходя в прихожую.

Ей подавали пальто чуть не всем коллективом. Уже на лестнице она шепнула:

- Неудобно именовать вас спасителем. Как вас мама называла?

– Робертиком.

– Что ж, Робертик. Разрешаю проводить меня до такси.

Он просил номер телефона для важного дела. Сказал, есть должность с хорошей зарплатой в солидной конторе. Как раз для Анны. Враки, конечно, но телефонами обменялись. Потом он приглашал гулять по пляжу и в ресторан. Отказалась. А вот в оперу пошла.

Вот скажите, как сложной женщине просто одеться в оперу. Нужно именно платье, нарядное, но не ярче тех, что на сцене. Значит, вычёркиваем диадемы и платья в пол. Джинсы тоже вычёркиваем, всё-таки театр. Анна не собирается соблазнять Роберта, это тоже надо выразить одеждой. Ещё надо показать, что пару бокалов шампанского она примет с благодарностью. Не тем делом всё-таки заняты суперкомпьютеры. Рассчитывают неосвязаемую в космосе тёмную материю, тогда как на Земле полно нерешённых вопросов.

Другие дамы припрутся на каблуках высотой с цирковые ходули. Придётся также показать, что все их попытки тщетны рядом с настоящей элегантностью. Резюмируем. Платье должно быть сдержанным, но броским, торжественным, скромным, сексуальным и будничным одновременно. В шкафу – разумеется – такого не нашлось. Не ясно даже, существует ли нужный фасон где-то в мире. О чём думают дизайнеры одежды – непонятно.

Анна сутки потратила на расчёты и поиски. Прокляла Роберта и композитора Бизе. Обессилела, утратила веру в цивилизацию и выклянчила абы что у подружки Лигиты. Серебристое платье чуть выше колена и к нему легчайший шёлковый плащ. Костюм не передавал всего, что хотелось. Недостающие смыслы Анна надеялась восполнить выражением лица. Лигита сказала:

– Ты богиня!

И всплеснула руками. Анна разделила эту оценку на восемь и пообещала в следующий раз подготовиться как надо.

С Робертом не стыдно посещать театры. Он галантный, подтянутый, не жмот в буфете. Говорит только об Анне, расспрашивает о прошлом. Такая однобокость интересов скорее плюс, но ощущается как минус.

– Анна, вы были замужем?

– Была.

– А хотели бы ещё попробовать?

– В трезвом уме – нет. Но пока в мире есть анжуйские вина, возможно всё.

– А каким был ваш первый муж?

– Идеал. Не сразу конечно, пришлось отсечь лишнее, а кое-где наоборот, прилепить новых качеств.

– Что же вы ему отсекали?

– Предыдущую жену, например.

– Разбили чужой брак?

– Я не знала. Он скрывал. Клялся потом, что потерял память и совесть, лишь меня увидел. Я, разумеется, верила.

– Всё равно разбили. Красивые женщины в ответе за тех, кого одурманили.

– А вы отвечаете за тех, кого соблазнили?

– За дурнушек – да.

– Так-так.

– Я не о вас. Между нами всё иначе. Вы хищница, а я лишь бедная жертва ваших чар.

– Продолжайте.

– В нашем гипотетическом браке я бы постарался приделать вам сигнализацию. Потому что вас точно украдут. Или вы сами сбежите, разбив мне сердце. Как наверняка разбили его первому мужу.

– Вот тут ошибка. Это он сбежал.

– Не иначе, спятил от счастья.

– А ваш, Роберт, брак чем закончился?

– Почему закончился? Я и сейчас женат.

Вот тут-то Анне и разонравилась опера. И хоть девушка не собиралась заводить отношений, всё равно расстроилась. Даже разозлилась. Домой поехала одна, на такси. Он ещё звонил, приглашал куда-то. Анна говорила, что ужасно занята. Все тридцать четыре раза.

Её первого мужа звали Ральф. К моменту встречи с Анной он был женат настолько формально, что упоминать не стоило. Так он говорил. Ещё говорил, что страсть угасла, они спят в отдельных постелях. Все мужчины так говорят в случае скоропостижной влюблённости. Стандартный текст, прошитый где-то на материнской плате.

Красивый Ральф называл подружек солнышками, рыжиками и звёздочками, чтобы не путаться в именах. Он считал капризными всех, кто не сдавался за полчаса. Анна и тогда не собиралась заводить отношений. Последовательно отклоняла предложения. Не пошла на три концерта, в пять ресторанов и на супер-вечеринки без счёту. Но в студенческой столовой каждый раз была мила.

Ральф подумал, невелика птица. Десять безымянных девушек легко заменят одну строптивую Анну. Но ошибся. Красивая танцовщица с восточными глазами

как-то не затмевалась. Тогда Ральф пошёл ва-банк. Совратил двух сестёр-близняшек. Заманил на родительскую дачу. В реестре мужских фантазий такой уикенд считается ядерным взрывом. После него только пепел и радиация остаются от былых влюблённостей.

На деле сёстры оказались скучны. Они ссорились. К тому же Ральф их не различал. Ему казалось, это одна девушка раздвоилась и перемещается в пространстве. Оставишь её в спальне, потом раз – она уже на кухне. Ральф закрывал глаза и представлял Анну. Каждой сестре он сказал, что любит только её.

– А как меня зовут? – спросила каждая.

– Ты что, мне не веришь? – обижался Ральф.

В тот вечер Ральф сделал окончательный выбор. На долгих пять лет.

С понедельника он пошёл в атаку. Анна не ожидала такого натиска. Её бастионы трещали, роняя кирпичи. Ральф встречался на каждом шагу. Он подарил цветочек, при всех. Наговорил комплиментов. Попытался обнять. Анна стала прятаться и убегать. Ей казалось – так она борется за честь и свободу, на самом деле только распалая преследователя. Было возмутительно и приятно, когда Ральф её настигал.

Зоологи пишут, лучше всего плодятся самые наглые коты и самые вредные кошки. Это значит, разойтись они уже не могли. Чем холодней была Анна, тем ярче сияли её льды.

– Почему ты такая? – спрашивал он.

– Какая?

– Ты понимаешь, о чём я.

– А ты знаешь мой ответ.

– Не знаю.

Анна пожимала плечом. Красавицы вправе на любой вопрос отвечать что угодно. Понимай, как хочешь. Ральф снова догонял, брал за руку.

– Я тебя люблю.

– Ты всех любишь.

– Кого всех?

– Жену свою, например. Потом эту, рыжую с третьего курса.

– Да нет у меня никакой жены! Мы развелись!

И тряс какими-то справками.

«Ещё хуже. Я стала причиной развода. Теперь счастья не будет». Так думала Анна, но вслух лишь фыркала.

Ей нужно было съездить в другую страну, к тётке. Ральф провожал с цветами. Анна думала, вот сейчас всё и закончится. Во всех хороших фильмах вокзал предваряет финальные титры. На прощанье Анна позволила обнять себя и даже ответила на поцелуй. Потом ушла в купе. Поезд тронулся. Проплакала всю ночь. Дорога длинная, всё равно делать нечего.

Ральф побежал в аэропорт, потратил годовой бюджет, но утром стоял уже на перроне, встречал поезд. Единственный – опять с цветами. Светился ярче семафора. Он сказал, что будет ночевать у неё на пороге, где бы это место ни оказалось. Анина тётка не хотела объяснять соседям, почему перед дверью валяются студенты. Она записала Ральфа в друзья детства. Застелила двуспальную кровать, как совсем уже друзьям. Анна возмущалась внутренне. Она обещала зарезать Ральфа, если тот хоть на секундочку распушит руки. И до самого утра так никого и не зарезала.

Целый год потом стыдилась и страдала. Не лишая себя, впрочем, маленьких радостей. Каялась и грешила, каялась и грешила. Однажды к Анне подошла чужая женщина. Поздоровалась, представилась женой Ральфа. Бывшей женой. Высокая такая, с отчаянным «эх ты» в глазах. Анна предпочла бы встретиться с дикими волками или даже сектантами. Кто угодно был сейчас милей, чем несчастная жена любимого человека.

Женщина полезла в сумочку. Анна приготовилась бежать. Собралась кричать «Помогите» или просто «А-А-А!». Ещё вспомнила, что при погоне полезно бить витрины. Людей это привлекает. Но та женщина достала всего лишь бумагу с печатью.

– Вот. Справка о разводе. Постарайтесь быть счастливой. У вас на это немного времени. Вас он тоже бросит.

Так сказала и ушла. Три дня Анна смотрела на Ральфа как на негодяя. Но его копьём не пробьёшь, не то что взглядом. Удивительно чёрствый. Для женщины такая история кошмар, для него же пустяк. Он сказал, настоящая любовь от обычной страсти отличается именно лёгкостью расставания. Для сравнения, потеряв Анну, он бы непременно помер. Так сказал Ральф. Не поверить ему было невозможно.

Он стал отличным мужем. Во-первых, не капризный. Хвалил любую стряпню. Избыток соли считал признаком любви. Всё сырое, горелое и несовместимое он умело корректировал сметаной.

Он всегда был в хорошем настроении. Когда что-то не выходит – говорил, значит, время не пришло. Никто не виноват. За пять лет молодые ни разу не поссорились. Так же мирно живут разве что зайчики, поскольку речью не владеют и поругаться не могут. Обычные люди своё счастье выгрызают в изнурительных скандалах. Пять лет чирикнули и скрылись.

Однажды Ральф поехал покупать стиральную машину. Анна приболела, выпихнула мужа на лестницу. Сказала, доверяет полностью. Он долго там возился, вернулся очень довольным.

- Купил?
- Купил. Роллс-ройс среди стиральных машин.
- То есть хорошая?
- Самая лучшая. Как ты.
- Ты спросил продавцов про надёжность?
- Там были продавщицы в основном. Сказали, с таким мужем, как я, неважно какая стиралка.
- С каким это таким мужем?
- С прекрасным. Всё-то тебе объясни.
- Что ж, женщины склонны идеализировать чужое горе.
- Они сказали, ты должна просыпаться со слезами счастья на глазах.
- Они не знают, сколько ты ешь и как храпишь. Мой руки и за стол.

Через год Ральф ушёл к Лауре: 22 года, блондинка, сиськи, продавщица стиральных машин. Анна стала просыпаться в слезах, как ей и пророчили. Красивая, необъяснимо одинокая, с восточными глазами. Лауру он тоже бросил. Ради всех сразу женщин планеты. Ральфу хватило бы желаний на миллиард любовниц, сдерживали только свойства пространства-времени. Лаура приходила потом к Анне, плакала, просила прощения за разрушение семьи. Ох, и напились тогда.

Брошенные женщины засыпают под бормотанье телевизора. Привычка эта возникает незаметно и плохо лечится. Не можешь заснуть и всё тут. Но смотреть не получается. Включаешь телек – веки тут же слипаются, и поутру нипочём уже

не вспомнить, кто кого мучил и на ком в конце женился.

Анна таращилась в потолок часами. Или наоборот, смотрела фильмы до середины ночи. Сидя, чтобы не заснуть. Потом вдруг нашла на пульте кнопку «таймер отложенного выключения» и смирилась. От такого позора прекрасно помог бы любовник. И Роберт отличная кандидатура, не будь женат. Анна хотела быть единственной. Или ничьей.

...Когда опали листья, когда люди стали вбегать в трамвай, чтобы погреться, когда журавли потянулись в сторону Франции (непонятно, зачем вообще оттуда улетать), Анне позвонили с незнакомого номера. Приятная девушка сообщила: её резюме одобрено, приходите на собеседование.

- Но я не рассылала резюме.

- Это не важно. Ждём вас во вторник, в три часа. Башня на Заячьем острове. Представьтесь охране, вас проводят.

И повесила трубку. Вот так люди и пропадают, подумала девушка.

Анна танцевала в эстрадном балете. У неё был сольный номер, танец Коломбины. Так себе карьера. Когда ей было четырнадцать, зрители аплодировали её хрупкости. В двадцать пьянели от её сексуальности. В тридцать восхищались мастерством и всё ещё сексуальностью. Если ничего не менять, к пятидесяти ей крикнут «во даёт бабуся». Анне нравятся успех, цветы и записки про любовь. Но букетам из купюр она бы радовалась больше. Жаль, у поклонников не сложилось такой милой традиции.

Всем нужна нормальная работа. Чтобы в трудные времена не одалживать у родителей. Тем более что трудные времена у Анны случались два раза в месяц.

Если спросить о родителях, Анна скажет «мой папа кореец, а мама красавица». От папы у неё разрез глаз, высокие скулы и смуглая кожа. И прекрасный характер, конечно. От мамы – чудесной формы ручки, ножки и моральные принципы, противоречащие сексуальной внешности.

Мама смотрит полицейскую хронику. Согласно телевизору, любой выход из дома чреват изнасилованием. Собеседование в непонятном месте, по несуществующему резюме – это верный путь в наложницы, считает мать.

Папа моряк, капитан на пенсии, не боится насильников. Говорит, конечно, сходи, дочь. Может, познакомишься с кем. Папа хочет внуков. На детей в парках он смотрит с таким же умилением, с каким в порту провожает суда.

Вечер у родителей похож на старую пьесу. Все знают роли, тексты и последовательность сцен. В первом акте ужин и непринуждённый разговор. Действующие лица полны оптимизма. Чужому человеку может показаться, никого тут не интересует, появился ли у Анны парень. Потому что главное в семье – здоровье и чтоб не было войны.

Во втором акте мама не выдерживает. Многозначительно пересказывает истории выдуманных дочерей своих подруг. Все они замужем или пытаются хотя бы. Мама верит, эти рассказы заставят Анну задуматься. Девушка и вправду задумывается о том, что к родителям надо ходить реже.

Третий акт. Папа вступается. Говорит, брак – это судьба. Может сложиться, а может и нет. Не всем же так везёт, как мне – шутит папа, шлёпая маму по заду. Обе женщины обижаются на эту шутку. В конце третьего акта все сидят надутые.

Развязка. Чаепитие и сласти. Папа тайком суёт Ане сто евро. Обнимает, говорит, что мама не права. Для исполнения желания нужно на это желание плюнуть, а не трястись до судорог. Анна говорит, она не трясётся, её всё устраивает. Конечно-конечно, говорит папа. И снова обнимает Анну и гладит по макушке. Анне кажется, совсем не плохо на минуточку сбросить двадцать пять лет из тридцати. Теперь она настолько взрослая, что даже не пытается объяснять папе, насколько дело вообще не в этом.

Эпилог. Провожая, в коридоре мама суёт ещё полтинник. И целует быстро, чтобы не расплакаться. Короче, родители.

Анне нужна работа. Пора становиться взрослой. У Анны даже образование есть, что-то там про гостиничный бизнес. Она надела чёрный низ, белый верх и пошла беседовать.

Башня на Заячьем острове есть пример модернизма среди антикварной архитектуры. В груди старого города она торчит словно нож. Главному архитектору, видимо, подарили что-то нужное. Он не только утвердил этот страшный проект, но и бился за него на страницах газет и в муниципалитете.

Горожан башня злит. Не очень-то приятно, когда везунчики и богачи висят у тебя над головой большим таким стеклянным укором. В башне есть офисы, гостиница, квартиры стоимостью в небольшой районный город. На крыше ресторан. Средний горожанин, накормивший в этом ресторане жену, получает право не выносить мусор в течение года.

У работающих в башне особая походка. Шире шаг, легче движения, выше подбородок. В других местах они как обычные люди. Но стоит выйти из троллейбуса на остановке «Заячий остров», сразу все находят в себе дополнительные благородство и оптимизм.

Шагая в толпе причастных, Анна делала вид, что сама давно работает в башне и тоже богема. В холле держалась молодцом, и в лифте. И лишь перед дверью с модной табличкой «HR» запаниковала. Сейчас ей скажут, что резюме не её, что телефоном ошиблись. И пойдёт она назад, танцевать Коломбину.

Вопреки страхам, а точнее ужасу, Анну приняли тепло. Милая девушка предложила чаю. Никаких бесед через губу, ноль сухости. Анна заполнила два опросника, ответила на вопросы. Секретарь ввела данные в компьютер, предложила пройти в следующий кабинет. Там сидели двое. Молодые парни. Один представился психологом, второй – менеджером по персоналу. Оба развалились в креслах. У них тяжёлая работа – спускаться к таким ничтожествам, как Анна. Услышав, что девушка работает солисткой в танцевальном ансамбле, переглянулись обречённо. Будто им прислали обезьяну, а обещали доктора экономики. Молодые люди задавали каверзные вопросы. Анна отвечала честно. Но психолог с менеджером только что не прыскали в ответ.

– Всё понятно, Анна. Уверен, у вас всё получится – сказал менеджер и посмотрел на психолога. Тот закатил глаза. Они прочили Анне карьеру судомойки.

Она выскочила из башни, звеня от ярости. Три остановки шла пешком. Дождь и ветер омывали и обдували Анну, но желание убивать психологов и менеджеров не угасло. Остаток дня Анна изучала сайты со всякими вакансиями и потом ещё рыдала до полуночи. Утром приняла решение выйти за богатого мужчину, пусть даже за гуляку. Для Коломбины это нормальная судьба.

Тем же утром пришло письмо. Анну приняли на работу. Вопреки ощущениям от собеседования. В письме отдельно указывалось, встреча прошла бесподобно. Компания «Ro&Ro» рада новому пресс-секретарю. В понедельник Анну ждут на Заячьем острове. Анна села писать гневный ответ, что никогда, никогда она не будет работать в одной компании с тем гнусным психологом и этим гадким менеджером. Написала, но не отправила.

Рабочий день отличался удивительным отсутствием событий. Анна встречалась с рекламщиками, кому-то отказывала, с другими подписывала договора в рамках общей концепции и бюджета. Растянуть работу дольше, чем на час не выходило. Она целый день пила кофе, изредка прерываясь на рабочую паузу.

Компания «Ro&Ro» огромная и страшно богатая. Занимается всем подряд. Это всё, что удалось узнать Анне о новом месте работы. Девочки-сотрудницы обещали рассказать подробней, но у всех столько событий в семейной жизни, что на структуру предприятия времени нет. С богоподобным хозяином конторы Анна увиделась вот как. Вбежала Лаура, помощник бухгалтера. Не сказала, выдохнула:

– К нам шеф идёт!

Работницы забегали. Видимо, сошествие начальника происходит реже, чем в Библии. Что-то в нём от солнца, что-то от цунами. Праздник и катаклизм в одном лице. И конечно, после него будет новое летоисчисление.

Анна тоже разволновалась, за компанию. Сбегала к зеркалу, поправила что смогла. Только вернулась к столу – входит седой красавец в дорогом костюме. Анна встала, умело покраснела, поздоровалась и опустила глаза. Из пиетета. Девчонки засмеялись.

– Это ещё не директор. Просто финансист наш, Модрис. Шефа сразу узнаешь и ни с кем не спутаешь.

После Модриса вдруг пришёл Роберт. Победитель кофе-машин и знаток оперы. Тоже, видимо, работает в башне. Увидел Анну, сразу подошёл.

– Привет!

Не случившиеся любовники всегда приходят некстати.

– Привет. Рада тебя видеть и даже не прочь поболтать, но давай потом.

– Занята?

– Сюда шеф идёт. Важный дядька. Девчонки вон в обмороке все.

Роберт обвёл взглядом девчонок (от двадцати пяти до шестидесяти). Те и правда застыли. Ресницы только хлопают и тушь шуршит, осыпаясь. Роберт пожал плечами. Положил на стол визитку.

– Позвони, как освободишься.

– Конечно, только иди, иди. Мы тут все на взводе.

Роберт ушёл, сотрудницы остались. Самый главный директор так и не явился. Неисповедимы его пути, решила Анна. Волнение улеглось, потом и вовсе сменилось апатией.

– Я в буфет. Кто со мной? – громко спросила Анна. Рабочий день подходил к концу. Неожиданно захотели все. По коридору шли как стадо, Анна впереди, на месте жожака. В буфете ей купили кофе, робко пригласили в гости в пять разных мест. Сотрудницы вдруг полюбили Анну, смеялись её шуткам, находя смешное в самых неожиданных местах. Сказали годовой запас комплиментов.

Вернувшись к своему столу, Анна прочитала визитку.

Ro&Ro

Роберт Вульф

Хозяин

Анна перестала ездить на троллейбусе. К её услугам были теперь автомобили всех сотрудниц. И хоть их любовь не была искренней, машины были настоящими, с печками и защитой от дождя. В гонке за дружбу лидировала старший бухгалтер Вера. Она и живёт неподалёку, и не соперница, ввиду возраста и фигуры. Вера спрашивала не только о Роберте, но и на отвлечённые темы. Анна отвечала осторожно. Ведь в лице старшего бухгалтера вопросы задавал весь коллектив. Сочинять ничего не пришлось. Один раз сходили в оперу. И всё.

– Я очень люблю оперу! – поддержала разговор Вера. – После оперы он хотя бы проводил?

– Нет. Я уехала одна, дела были.

– Ну да, ну да, – сказала бухгалтер, многозначительно блестя глазами. Чем старательней Анна отрицала роман с начальником, тем упорней все считали, что у них всё было и есть.

Роберт не заводил романов на работе. И рекламой не интересовался. Но теперь появлялся каждый день, разглядывал проекты, не пытаясь, впрочем, вникнуть. Иногда вызывал Анну к себе, просил рассказать о достижениях. Ни слова в сторону, ни поползновения. Всякую минуту Анна готова была дать отпор, но женатый засранец повода не давал.

...Люди богатеют благодаря разным талантам. Одни невероятно энергичны. Просыпаются до рассвета и вкалывают, вкалывают, вкалывают. Это такое расстройство, невротическое трудолюбие. Если работы нет, пахари её придумают. Отдых они ненавидят, тратить деньги им некогда. При таком отношении состояние скапливается само по себе.

Есть такие люди, к чьим рукам деньги липнут сами. Любой чих приносит им прибыль. Видимо, карма.

Третьи умны и холодны как роботы. Ради гешефта идут по головам.

Роберт относился к четвёртой, самой редкой категории. Он Одиссей, хитрый лис. Забалтывает, обманывает и очаровывает. Самые ленивые его сотрудники трудятся без выходных и считают свою жизнь счастливой. Самые трусливые менеджеры открывают ногой министерские двери. Партнёры дают скидки себе в убыток и полагают сделку удачной. Банки подписывают отсрочки, похожие на пожизненную индульгенцию.

Анна видела, как Роберт крадётся, подползает, заходит с тыла. Но так медленно, что возмущаться нечем. Завершающий шлепок по попе он отложил на такую далёкую дату, что Анна сама себя уже готова была шлёпнуть, лишь бы что-то уже изменилось.

Вдруг Анна поняла, что ей нравится эта тягучая неспешность. Пришла в ужас, но не сильный. Так медленно и неотвратно порок к ней никогда ещё не приближался. Вот уже она, вместе с рекламным отделом и всей бухгалтерией, столбенеет при виде Роберта и дышит чаще. И пусть роман с начальником отдаёт адюльтером. Но он же и чемпионский титул по сексуальности среди коллег. Всякой женщине хочется побыть слегка продажной, неотразимой и притом ещё и несчастной.

Роберт ухаживал так тихо, что прослыл у сотрудниц несчастным влюблённым. А добродетельную во всём Анну записали в хищницы. Вот и говорите теперь, что коварство – женская черта.

Анна выучилась складно лопотать о преимуществах наружной рекламы перед телевизионной, о стоимости за тысячу просмотров, о прямом маркетинге и прочих способах выколачивать деньги из хоббитов. Роберт раскрыл устройство своей империи. Акционерное общество «Ro&Ro» было шапкой, снежной вершиной горы, куда входила сотня фирм. Было ещё два акционера, не примечательные дядьки. Толстый и тонкий, Гиртс и Димантс. Их должности назывались просто: первый директор и второй директор. Роберт объяснил, это

нужно для ухода от налогов.

– Зачем ты всё это мне рассказываешь?

– Думаю вырастить из тебя директора по маркетингу. Хочешь быть директором?

– Вот ещё.

Анна фыркнула, но всё-таки представила себя в дорогом кабинете, в кресле за лакированным столом. Роберт брал Анну на переговоры с рекламщиками. Те говорили умные слова, устраивали презентации. Не понимали, бедные, что служат лишь прикрытием для неявного свидания.

На Рождество самый толстый телеканал устроил праздник. Большой отель, модный ресторан. Мобилизовали лучших певцов и певиц. Роберт сказал, это важное мероприятие. Пойдут он и пресс-секретарь. Анна перепугалась, сказала – нечего надеть.

Роберт выдал Анне корпоративную карту. Велел купить наряд на Рождество. С этим распоряжением Анна справилась блестяще.

– Вижу, мы очень приличная фирма – сказал Роберт, увидев общую сумму презентационных расходов.

Это был праздник денег. Честнее было оклеить купюрами стены и набросать их же в тарелки. Седые воротилы, женщины с голыми спинами, еда, похожая на ювелирные украшения. Всё сверкает и блестит. Великие с точки зрения центрального базара исполнители сами лезли на сцену. Ослеплённая, оглушённая Анна думала, как бы не опозориться. Сидела прямо и думала только, чем принято подцеплять из тарелки вот эти непонятные катышки. Можно ли руками, палочками, а если вилкой, то какой из трёх.

Праздник грохотал сам по себе, никто за этикетом не следил. Анна посидела, успокоилась и даже заметила странные вещи. Все известные певцы были ниже, чем в телевизоре, а у певиц обычная, человеческая кожа, с морщинками и

пятнами. Но весёлые все, будто завтра помирать. Самые крутые богачи ведут себя как школьники. Косятся на женские попки и сразу отводят глаза, будто им всё равно.

Роберт повстречал представителей своей породы. Они встали плотной кучкой и, глядя в пол, по очереди что-то говорили. Лица их были серьёзны. Забывали даже выпивать за разговором. Ничего им не надо, дай только порешать судьбы мира. А блеск, музыка, извивающиеся артисты – это всё для жён и любовниц.

– Ваш тоже там? – спросила Анну певица Джудит. Она шла мимо и вдруг плюхнулась на стул. Передумала идти, решила посидеть. Капли пота размывали грим. Лицо её было помято и сильно отличалось от плакатных версий. Только глаза горящие, синие, как в телевизоре.

– Также там. Но он не мой. Я тут по работе. – Анна с трудом перекрикивала музыку. Джудит посмотрела снисходительно. У Анны загорелись уши.

– Тут все по работе. Просто работа такая. А ваш какой?

Анна показала пальцем. Джудит была простой и уставшей. С ней не обязательно жеманничать. Певица одобрила Роберта. Подняла бокал.

– Тост! Чтоб любовь и работа далеко не разбегались!

Не найдя что возразить, Анна кивнула. Выпили. Потом ещё. Пожелали процветания себе и всяческой простуды недоброжелателям. Настроение улучшилось. По сцене скакал Томас Грек, звезда хит-парадов. Анна ему благоволила, даже стала пританцовывать, не вставая со стула.

– Тотоска молодец! – порадовалась за исполнителя Джудит. – Хочет симфонию написать, но некогда. Надо зарабатывать. Дети, учёба, жена с запросами.

– Жена? Он же этот.

– Гей? Ещё чего. В нашей профессии ориентацию исполнителя определяет продюсер. А так у него жена и трое детей в Польше.

– А пишут, что он женоненавистник.

– Вечером увидите. Тотошенька влюбляется каждый вечер. Мгновенно и каждый раз на всю жизнь. Это значит до утра. Но если нацелится, мухобойкой не отгонишь. В кровати, кстати, огонь. Но поддаваться не советую. Язык как помело. Всем растреплет. А вот кто настоящий гей, так это мой Альфред. Продюсер. Голубей лигурийского неба.

Джудит указала на утончённого блондина в ярком пиджаке.

– Эй, Альфред! – крикнула певица хорошо поставленным голосом. Её призыв заглушил рокот праздника. Альфред обернулся, замахал руками и побежал на зов. Анна хотела привстать из уважения, но вспомнила, что она богатая дама. Лишь чуть улыбнулась продюсеру. Тот бросился лобызать руки обеим, потом щёки и шею. Анна с удовольствием поймала удивлённый взгляд Роберта.

– Познакомься, Альфред. Это моя лучшая подруга. Вас, кстати, как зовут?

– Анна.

Альфред говорил без пауз, нараспев. Любое событие, самая мелкая мелочь приводила его в восторг.

– Анна, ты красавица! Ты фантастическая! Где-то снимаешься? Почему я тебя не знаю!?

– Я пресс-секретарь, занимаюсь рекламой.

– Сейчас работает только вирусная реклама! Мы с тобой обязательно придумаем бомбу! Хомячки полопаются от восторга!

На прощание Альфред снова всех целовал. Велел не пропадать – и сбежал.

Всё вокруг сверкало, кружилось, грохотало. Господа артисты умеют выключить голову и бездумно, без единой мысли нестись. Всё равно куда. Им не важно, чему радоваться. Они могут танцевать и плакать, лишь бы не бездействие.

Сидеть мрачно и думать о неприятностях на работе они не умеют.

Праздник ворвался в Анну, затопил по самую макушку. Ох, завтра буду рыдать – на секунду подумала она, но тут же отвлеклась. Её вытащили на сцену. Пела она косо, а вот танцевала потрясающе. Танец Коломбины исполнять не стала, просто затмила кордебалет и остановилась. Аплодировали все – богачи, артисты и даже официанты. Лично Томас Грек тащил Анну куда-то в портьеры, Джудит тянула назад, в сторону благопристойности. Потом появился Роберт. Посмотрел внимательно на Томаса. Либи́до певца от такого взгляда улеглось.

– Пора ехать, наверное – сказала Анна.

– Ночуем здесь – ответил Роберт. И добавил устало, в ответ на возмущённый взгляд.

– У всех свои номера. Твой, например, триста пятый.

И выдал Анне карточку-ключ.

К трём часам ночи в Джудит села батарейка. Ну, как села. Певица отказывалась покидать поле боя. Она теряла равновесие, трижды её подхватывали мужчины, один раз не успели, артистка грохнулась на пол с удивительно немзыкальным звуком. Но тут же вскочила.

– Песня! – объявила она. – Осенняя любовь!

И полезла на сцену. Её стащили вниз. Велели встать в очередь. Анна предложила дойти до номера, выпить таблетку от головы.

– А от душевной боли есть?

– Эти таблетки от всего.

– Стрихнин, что ли?

– Амбарбутазол.

- Звучит надёжно. Пойдём. А ты не сочинишь, такое лекарство есть в природе?

- Не буду же я обманывать лучшую подругу!

- Логично.

Певица рухнула на кровать. В сумочке ничего похожего на лекарства не оказалось. Анна побежала к портье, а когда вернулась, великая Джудит уже влезла под одеяло и заснула. В её ридикюле Анна нашла такую же карточку. Позвонила, спросила, в каком номере остановилась Джудит. Соврала, что хочет вернуть потерянную серёжку. Для достоверности смеялась, рассказывая про их совместный танец. Четыреста третий. Апартаменты звезды ничем не отличались. Анна не помнит, как разделась и принимала душ. Всё сквозь сон. Помнит только, в коридоре под утро шумели. Или показалось?

Проснулась от солнца. Шторы не затянула. В зимней Прибалтике солнце как творческий работник, просыпается к обеду. Вещи остались в другом номере. Но скрестись в дверь не пришлось. Джудит уже сидела в баре с сигаретой и рюмочкой. Лечила нервы. Без грима её не узнавали. Анна не была уверена, что звезда вспомнит вчерашнюю дружбу.

Может даже сделает вид, что незнакома. Высокого полёта птица. Но Джудит обрадовалась, полезла обниматься. Анна польщённо хихикала. Ей было немного жаль, что никто в баре не понимает, кто и с кем тут целуется.

- Слушай, а твой шеф, у вас с ним правда ничего такого?

- Роберт? Конечно, ничего. Просто начальник мой. Хотя, мужчина интересный.

Джудит посмотрела в глаза внимательно. Допила рюмочку. Затянулась.

- Это хорошо. А то я переспала с ним. Неосторожно. Так сказать, задумалась. Ну, ты чего так вытаращилась? Ты ж сказала, у вас ничего?

Анна приказывала мимическим мышцам вернуть на место брови и челюсть, вышло плохо. Джудит неопределённо хмыкнула.

– Мне самой удивительно. Я вообще не собиралась. И он тоже, что интересно. Да и не было ничего, формально. А с другой стороны, всё было.

Это объяснение совершенно ничего не прояснило. Джудит пожала плечами. И без того стёртый её голос сейчас ещё понизился, почти до баритона. Раскурила вторую сигарету.

– Он вообще-то к тебе пришёл. А я ж не знала. Я забыла, в чьём номере сплю. Проснулась, когда он сзади подполз. Ну, обнял. А я пьяная, просыпаться лень. С этими гастролями, пока глаза не откроешь, не вспомнишь, где упала. Думаю, может дома. Может, мой прицеливается. Мужики все одинаково подползают на самом деле. Потом чувствую – не мой. Вот, думаю, дела. И не Тотошка, вроде. Хотя Тотошку я на ощупь плохо помню. И тут он говорит, повернись ко мне, любимая. Ну, я и повернулась.

– Так и сказал?

– Они все так говорят.

– А потом?

– В это время он находился, скажем так, ниже экватора. Ну и когда поднялся в высокие широты, удивился.

– И что?

– И вышел. Сначала из меня, потом из постели. Извините, говорит, обознался.

– А ты?

– Ничего, говорю. Приходите ещё. А то и оставайтесь. Грех прерывать такое знакомство.

– А он?

– Буду очень рад, говорит, в другой раз. Сейчас слишком много эмоций. Прямо, нахлынули чего-то. С юмором мужик.

Анна перевела дух.

– Ну и хорошо. Можно считать, ничего не было.

Джудит посмотрела серьёзно.

– Нет, к сожалению. Нельзя так считать. Потом было продолжение. Так себе продолжение, причём. Этот твой...

– Роберт.

– Да, Роберт. Одедся кое-как и к выходу. Я пошла провожать как вежливая хозяйка. Выходим в коридор, там люди какие-то идут. Пьяные на вид. А мы выходим – просто сразу понятно, это у нас не урок пения был. А эти, прохожие, говорят, мы ваши поклонники. К Роберту, спрашивают, вы самый счастливый поклонник, наверное? И дёрнул меня нечистый за язык. Пошутила. Нет, говорю, это насильник. Ворвался, овладел. Тут вспышка, вспышка... Откуда фотоаппарат достали?

Прежде чем продолжить, Джудит долго и без удовольствия курила.

– Ну и вот. Была небольшая драка. Мы ж хотели фотоаппарат отобрать. Я билась как тигрица. Роберт вырубил портье, который вообще ни при чём. Твой друг в гневе плохо видит, кажется. Лучше его не сердить. Как бы то ни было, тот, что с камерой, сбежал. Все они оказались журналистами. Настоящие говнюки с какого-то мелкого портала. Роберт куда-то звонил, пытался купить весь портал, но с утра ему там не поверили. Теперь вот.

Джудит положила телефон. На экране красовался заголовок:

Полицейские упали в обморок, когда увидели это!

Известный бизнесмен изнасиловал великую Джудит.

– Великая! Они называли меня великой! Я же ещё не умерла! Нет бы назвать неподражаемой. Или там обворожительной.

Статья богато иллюстрирована и снабжена подзаголовком «их нравы». На первом фото Роберт под руку с Анной входят в зал. Потом гости, гости, праздник, потом Анна танцует, Роберт шепчется с какой-то бабой. Фото расставлены по принципу усиления драматургического накала. Вот Анна хохочет и обнимается с Альфредом, потом с Томасом Греком. Из чего следует, баба она гулящая. Вот танцует на сцене. В разрезе платья видны трусы, символ порока. Ноги на снимке выглядят отлично, кстати. Дальше – размазанные лица, и вот уже Роберт с голым торсом душит портье, а Джудит выглядит и правда изнасилованной. И снова фото Анны, выдернутое будто бы из личного дела. В конце сделанное чуть не со спутника фото жены Роберта. Подпись утверждает, это именно жена. В конце снова красивая Анна, змея и разлучница.

– Что же теперь будет? – спросила Анна.

– Альфред скачет от счастья. Такой пиар и за миллион не купишь. Мне всё равно, у меня это юбилейный, десятитысячный скандал. Тебе же с непривычки будет жарко. Но ты держись. Месяца не пройдёт, всё забудут.

– Может, никто не прочитает? Портал какой-то левый.

Певица расхохоталась.

– Посмотри вокруг.

Анна оглянулась. Бармен смотрел на них с улыбочкой и сразу отвёл глаза. Девушки у стойки косились и хихикали. Мимо бара шли участники вчерашнего банкета, помахали рукой вроде просто, но в то же время как-то двусмысленно. А потом, уходя, рассмеялись.

Роберт пропал, на звонки не отвечал. Возвращалась на такси. Водитель поглядывал в зеркало заднего вида. Анне казалось, глаза у него весёлые.

Мгновенно она превратилась в параноика. Ей казалось, все только и думают об этом случае в отеле. И узнают, и вслед смеются. Интернет усиливал впечатление. Новость мгновенно разлетелась. Везде те же фото, меняются только заголовки. И все идиотские.

«Содом наших дней»

«Торговцы моралью»

«Не ведающие стыда»

Писали, что Джудит не станет обращаться в суд. Журналисты не сомневались, богач запугал бедную жертву. К полудню появились биографии Анны и Роберта. В срочных новостях, сразу после ядерных испытаний в Корее. Сообщили, что жена бизнесмена подала на развод. Другие писали, что жена пьяница с трудной судьбой или заперта в сумасшедшем доме. Репортёры раздобыли телефонный номер Анны. Первый просил дать интервью в обмен на деньги. Второй советовал рассказать «всю правду», чтобы оправдаться самой и отомстить Роберту. Третий (журналистка) сказала, что в любом случае сочинит увлекательный рассказ от лица Анны, так что проще самой всё выдать.

Главный и единственный в мире Содом тот, что живёт в головах у газетчиков. Анна отключила звонки с незнакомых номеров. Приехал папа. Плакала, залила папе рубашку. Роберт не звонит и на смс не отвечает.

На следующий день сообщили: биржевые котировки холдинга «Ro&Ro» упали. Снова звонила Роберту, на пятый раз он ответил.

– Слушаю вас, Анна.

– Роберт! Какой-то кошмар творится! Что мне делать?

– Раньше надо было думать, когда заваривала эту кашу.

И отключился. Анна онемела. То есть он считает, она специально устроила скандал, подложив вместо себя Джудит! Самовлюблённый кретин.

Вскоре пришло электронное письмо. В связи с сокращением штата Анна уволена. Ироничная приписка: Компания благодарит Анну за отлично выполненную работу. Выходное пособие будет начислено в соответствии с законодательством.

Позвонила бухгалтер Вера.

- Ну, как ты там, королева светской хроники?

- Ужасно, Вера. Третий день плачу. Он меня уволил.

- Он каждого пятого уволил. А в офисе - так и вовсе половину.

- А тебя?

- Мне зарплату урезал. Так что я тоже злая. Но не настолько, как другие. Мы, толстые, вообще не злимся подолгу.

- Ты звонишь сказать, что злишься?

- Я звоню предупредить. Тебе надо забрать вещи, но днём лучше не приходи.

- Побьют уволенные?

- Не должны, но могут. Приходи после работы. Часиков в семь. Я договорилась с охраной, кабинет будет открыт.

Анна шла по пустым коридорам, будто с жизнью расставалась. Прощай, хорошая работа. Прощайте, приличные мужчины. Теперь она - падшая женщина. Под статьями о её падении полно было признаний в любви, но значили они только одно. Все психи и маньяки мечтают теперь об Анне, и других женихов у неё не будет. Остаётся уплыть на дальний остров, жить в землянке, питаться рыбой и ягодами.

Оставалось непонятным, за что небеса так обошлись? За избыточное целомудрие или, наоборот, за недостаточное? Если бы она сразу переспала с Робертом, было бы лучше? Или следовало надеть ледяную броню и не ездить даже на переговоры? Ведь ясно было, чем закончится это взаимное уважение.

Собирала вещи с каким-то даже облегчением. Поклялась никогда, никогда не связываться с полигамными мужчинами. Их не сложно отличить издали. Все они щеголеваты. Чистая обувь, аккуратный гардероб, регулярное пользование расчёской. Он считает себя слишком дорогим для единственной женщины. Ещё у них масляные глазки. Они улыбаются многозначительно, шутят и лепят комплименты просто так, на всякий случай.

А положительное качество «Верность» у мужчин проистекает единственно из равнодушия к себе. Самец-однолюб всегда простоват, мешковат и неотёсан. Его можно обработать рубанком и шкуркой, но и тут важно не перестараться. Слишком красивого Буратино могут украсть.

Так думала Анна, складывая в сумку кактус. Это был важный кактус. Он придавал столу уют и ловил вредные волны. Не все, но хотя бы выдуманные. Вера обещала у себя на столе оставить бумаги, требующие подписания. Отказ от претензий и обещание не разглашать тайн. Анна зашла в кабинет бухгалтера. Сверху нужных бумаг не было, стала перебирать ближайšie. Взяла в руки некий договор, вчиталась. Потом следующий договор, и третий. То были заявки на перерегистрацию магазинов. Прежде они числились за компанией «Ro&Ro». Теперь же переходили в собственность к дочерней фирме «Kale». Владелец этой «Kale» был Димант Лиепиньш, первый директор, заместитель Роберта. Другие магазины уходили под крыло фирмы «Doom», ко второму директору, Гиртсу Затису. Обычная процедура. Так часто делают для оптимизации налогов. Или если хотят обанкротить головную компанию. Вот только заявки были оформлены месяц назад. Роберт был тогда доволен жизнью и о банкротстве не говорил. Оба директора имели право генеральной подписи. И могли бы переписать активы без ведома шефа, положась на его невнимательность. Сейчас Роберту не до работы, увольнения, никто не проверит. Можно в один ход закончить захват компании.

Компьютерные пароли в компании меняли раз в месяц, из соображений безопасности. Вера даже не пыталась их запоминать. Анна нашла в ящике визитку с актуальным кодом. Вошла в компьютер.

Переписанными оказались не только магазины, но и производства. Несколько цехов, весь гараж, контракты на закупки и поставки – всё принадлежало теперь путчистам. Компания Ro&Ro стала пустышкой. Долги по аренде огромного офиса только и принадлежали теперь Роберту Вульффу.

Анна подписала свои бумаги и тихо вышла. Её женское любопытство было удовлетворено, а женскую совесть предстояло ещё уговорить. Искать шефа, требовать разговора после нанесённого оскорбления – противно. Но и предупредить надо. И не электронным письмом, которое непонятно кто и когда прочтёт.

Анна вообразила, как шеф (бывший) преисполнится благодарности и вины. И конечно, лучше при покаянии присутствовать лично. Сдавив гордыню, позвонила ему, он снова не ответил. Что ж, сам виноват. Кто искренне хочет убится, того не спасти.

Ночью Анне снился сон. Будто идёт она по городу и видит: у реки, под мостом, в толпе бродяг сидит Роберт. Разорился. Анна издали слышит, как он жалуется на жизнь.

Дескать были у него семья и бизнес. Но встретил он одну женщину, влюбился. А она, оказалось, принесла только горе. Поманила, обманула, подставила. После этих слов Роберт закашлялся, а потом и вовсе – упал и умер. Анна бежит, трясёт Роберта, пытается делать массаж сердца, но сил не хватает. Шеф стал твёрже замороженного мяса. Бродяги обступают, смотрят с укоризной. Анна хочет объяснить, что не виновата, но говорить не может. Рот открывает, а звука нет. Бродяги вдруг оказываются переодетыми судьями. Они обвиняют Анну в предумышленном убийстве. Наказание – вечно слушать песни Джудит.

Анна проснулась в слезах. Все сомнения отпали. К восьми утра она поехала в Башню. С ней здоровались сквозь зубы, глядели ехидно. В современном мире во всём женщина виновата. Роберт полез не в свою кровать, потом психанул, уволил триста человек, и ничего. А Анна только и делала, что была честной. И

теперь шеф несчастный рыцарь с разбитым сердцем, а Анна – коварная дрянь.

Путь до лифта, а потом до кабинета, был вполне себе библейским. Лучше крест тащить, чем эти взгляды. Толпа мысленно побивала Анну камнями и тяжёлыми справочниками по бухгалтерии. А неделю назад ещё все любили.

Анна смяла жалкую секретарскую оборону, ворвалась в кабинет. Роберт поднял глаза.

– Выйди! – сказал.

– Гиртс и Димант устроили переворот. Все торговые фирмы, производство и договоры с поставщиками переоформлены на них. Осталось только в Регистре завизировать.

– Я сказал – выйди!

– Это не обычное перебрасывание активов, как раньше. Это мятеж. Как только заявки одобряют – ты станешь нищим.

– Вон отсюда! – сказал Роберт страшным шёпотом и встал.

Анна выскочила прочь. Ей пришло в голову, что великое переоформление могло понадобиться не только для банкротства. Может, какие игры с акциями. Или налоговые дела. Чувствовала себя кромешной дурой. Балерина, что с неё взять.

Путь с Голгофы оказался не легче. Ноги не слушаются, уши горят. Анна планировала дойти до туалета на первом этаже и там уже спокойно разрыдаться. Откладывать на потом нельзя. Слёзы могут потечь в троллейбусе или на остановке. Тогда придётся дома ещё плакать о том, что опозорилась в общественном месте.

На улицу не выпустила охрана. Взяли под локти, повели в какие-то закрома, кабинет без окон. Усадили на стул. Убивать, что ли, будут?

Через минуту вошёл Роберт. Посмотрел строго.

– Как ты узнала?

Ну тут любой бы разревелся. Вот и Анна не стала скромничать. Роберт сказал «ну-ну, ты ж моя хорошая» и обнял. В первый раз. Ничто так не усиливает слёзы, как попытка их сдержать. Анна устроила потоп. Роберт просил прощения. Сначала он не поверил. Понятно почему. Потом спросил у секретаря печать, просто так. Оказывается, печать кто-то унёс. Димант и Гиртс на звонки не отвечают. Роберт сказал, что закопает обоих и сверху посадит какое-нибудь вонючее растение. Для описания их поведения Роберт не мог подобрать точных слов. И что делать – пока не понятно.

– Я знаю, что делать. Я пока сюда ехала, всё придумала – сказала Анна ломким от слёз голосом.

Тут шеф подошёл и поцеловал подчинённую в губы. Неожиданно для охранников. Видимо, из большого уважения.

Государственный Регистр – организация бездушная и потому демократичная. Миллионеры и башмачники сидят в одной очереди, хоть и с разными настроениями. Башмачники трясутся от страха. Они пришли кланяться и унижаться. Миллионеры наслаждаются жизнью даже в этом скучном месте. Ожидая вызова, директора Гиртс и Димант говорили о важном. Где чей кабинет обустроят и кто какую машину купит. Три дня оценок и проверок истекли. Четыре десятка магазинов, семь предприятий и один автопарк теперь принадлежали им. Осталось заплатить, расписаться, тиснуть печать и получить удостоверения. В окошко кассы Гиртс сунул корпоративную карту.

– Транзакция не проходит, – сказала кассирша голосом игрового автомата.

– А вот эта?

– Тоже не проходит.

– А наличные?

– Нельзя. Услуга должна быть оплачена со счёта одного из предприятий, участвующих в сделке.

Гиртс и Димантс заподозрили неладное.

– Он догадался. Заблокировал счета.

– Что-что, а чуйка у него отличная. Надо найти фирму, о которой он не знает. Или не помнит.

Такая фирма нашлась. Одинокая сапожная мастерская в глухой провинции. Оплата пошлины превышала годовой бюджет мастерской. Но юристам всё равно. Полдня потратили на банковское перечисление. Махинаторы вернулись в здание Регистра. Подписали, пропечатали. Помощница нотариуса пошла визировать оттиски и подписи, но сразу вернулась.

– Не понимаю, в чём дело, сделка заморожена.

– Как заморожена?

– Тут пишут, печать объявлена утерянной.

– Путаница какая-то – удивился Гиртс.

– Мы уладим это в течение часа – сказал Димант, вытирая платочком холодный пот.

Чтобы вернуть награбленное, пришлось судиться. В женщине-судье боролись собственно женщина и должностное лицо. Первая знала, что истец негодяй. Потому что певицу Джудит нельзя насиловать, несмотря на её творчество. Даже если кто-то поёт ужасно (сама судья любила джаз), эта кто-то вправе сама решать, будет у неё секс или нет.

Мошенники Гиртс и Димант тоже были неприятны. Закон они, строго говоря, не нарушили. Но суд такое место, где справедливость борется с добром. Для вынесения приговора судья захотела определить степень духовного разложения

истца. Неожиданно для присутствующих, вне связи с сутью дела она спросила:

– Гражданин Вульф, как вы попали в гостиничный номер певицы Джудит в день, когда... Ну вы понимаете.

Роберт насупился.

– А какое отношение имеет то приключение к этому?

Судья: Здесь я решаю, что к чему имеет отношение. Отвечайте на вопрос.

Роберт: Ваша честь. Номер, где ночевала Джудит, был забронирован на имя моего секретаря-референта. Я шёл к ней. Исключительно с деловым вопросом.

Судья: Верно ли я понимаю, ваша секретарь-референт – это присутствующая здесь Анна Дрешере?

Роберт: Именно так, ваша честь.

Судья: Зачем же вы проникли в номер секретаря? Ведь было уже глубоко за полночь?

Роберт: Хотел напомнить, что утром рано вставать. Была запланирована встреча с клиентом. Я не знал, что девушки поменялись номерами. Мы поговорили, обсудили недоразумение, даже посмеялись. Вышли в коридор. Проходившие мимо люди оказались журналистами. Они увидели в нас возможность для скандала. Я не пытался предотвратить съёмку, произошла небольшая стычка. Ошибочно пострадал портье.

Судья: Достаточно. Опишите свои отношения с женой.

Роберт: Прекрасные. Люблю её и больше никого. Я совершенно не ходок. Жена это знает и полностью мне доверяет.

Судья: Зачем же вы вломились в номер помощницы в три часа ночи? Разве она не умеет заводить будильник?

Роберт: Большой бизнес – дело круглосуточное. Анна же после праздника могла что-нибудь напутать.

Судья некоторое время размышляла, недовольно поджав губы. Разглядывала по очереди Роберта и Анну.

Судья: Анна, каким образом в вашем номере оказалась певица Джудит?

Анна: Мы немного выпили. Зашли ко мне за средством от головной боли. Я искала таблетки, она уснула. Я отправилась в её номер.

Судья: зачем же Джудит выскочила в коридор, если её никто не трогал? Зачем сказала, что подверглась насилию?

Анна: С вечера мы говорили о возможности вирусной рекламы. О том, как здорово было бы разыграть директора компании Роберта Вульфа. Возможно, Джудит отважилась на экспромт.

Роберт смотрит на Анну. Брови его уползли бы ещё выше, но лоб уже закончился

Судья: Попробуйте описать ваши отношения с начальником.

Анна: Рабочие. Если было бы иначе, мы бронировали бы один номер на двоих.

Судья: (наклоняется к секретарю и шепчет прямо в ухо) Какой скучный финал. Лучше бы не спрашивала.

Секретарь объявляет перерыв. После перерыва просит всех встать и заслушать решение суда

Судья: Волею, данной мне республикой, рассматриваемые здесь (длинный перечень документов и дат) объявляю недействительными. Все пассивы, предметы данного разбирательства, возвращаются в собственность прежнего

владельца Роберта Вульфа. Дело о возмещении убытков будет выделено в отдельный процесс. О времени его будет объявлено в свою очередь. Дело объявляю закрытым. Истец, передайте соболезнования вашей жене. Впредь, занимаясь вирусным маркетингом, думайте о чувствах ближних. Иначе займёте место своих бывших директоров.

Выгнать жуликов мгновенно не позволял трудовой кодекс. Роберт понизил их в должности. Один стал дворником, второй вахтёром. Через месяц обоих уволили за систематические прогулы.

Суд прошёл, дела наладились. Роберт всё равно хмурился. Однажды он спросил:

– Про вирусную рекламу правда?

– Нет.

– То есть, ты просто так ляпнула?

– Я импровизировала. Хотя у Джудит есть продюсер, Альфред. Он что-то такое говорил.

– Тащи-ка сюда этого Альфреда.

У «Ro&Ro» сотни деловых партнёров. Поди объясни каждому, что фирма стабильна, бизнесу ничто не угрожает. Пришлось восстанавливать договоры. Заканчивались одни совещания, тут же начинались другие. От кофе и бессонницы звенела голова. Финансовые раны затягивались медленно и больно.

Неожиданно скандал оказался полезен. При Анне партнёры становились сговорчивей. Бизнесмены, сплошь мужчины, знали, что такое любовница. Путь от голой ноги секретарши, от пуговицы на форменной блузке до финального скандала с женой всем был известен. Стремление богатого человека сделать счастливыми как можно больше женщин и чудовищное непонимание со стороны общества были общей болью. В присутствии Анны Роберту давали такие

поблажки, каких не получил бы и папа Римский, со всей его добродетелью. Но реноме конторы, где творятся непотребства, не давало покоя. Лечить комплексы и позвали Альфреда. Смешной человек. Тощий, экзальтированный, в вечном восторге от всего, даже от укуса комара.

(Боже, смотрите какой у него хоботок! Хобот! Хоботище! Он проткнул меня насквозь!)

Альфред выглядел абсолютно бестолковым. Роберт сомневался, умеет ли он шнурки завязывать. Но Джудит велела довериться своему продюсеру.

Альфред затребовал пачку денег. Забронировал весь этаж в той самой гостинице.

Пригнал две бригады киношников, нашёл тех самых журналистов, даже побитого портье приволок. Каким-то чудом всех помирил. Самого Роберта уговорил бегать с голым торсом по коридору. Он показывал Джудит, как правильно изображать истерику. Закидон должен выглядеть искренне и лживо одновременно. Два коллектива киношников снимали друг друга. Сам Альфред визжал, скандалил, глотал таблетки, иногда и швырялся ими. Раз в полчаса он обещал умереть, тогда его просили умирать скорей.

Общего замысла никто не знал. Возможно, его и не было. Просто одна команда кричала «мотор», потом вторая кричала «мотор». Журналисты и портье принимали дурацкие позы, совершали странные поступки. Всё по инструкциям Альфреда. Никогда ещё Анне не было так весело. Три дня первозданного хаоса. Роберт говорил, что никогда ещё не тратил деньги так бесполезно. После этого Альфред вытряс из Роберта и вторую пачку. Что-то монтировал целый месяц в компании наркоманов с синими лицами. Итоговый ролик назывался скромно: «Как снималась лучшая вирусная реклама этого года».

Сначала некий «разоблачитель» сообщал зрителю, что скандал тщательно спланирован и подстроен командой певицы Джудит и маркетологами «Ro&Ro». И что тому есть доказательства. В руки разоблачителя попали рабочие материалы... Вот хитрые рекламщики сидят и сочиняют сценарий. Спорят и смеются в удачных местах. А вот гримёры рисуют Роберту следы ногтей на спине. Следующая сцена – костюмеры разрывают на Джудит ночную сорочку. Разрыв выглядит неестественно, рвут ещё одну. Вот Альфред лично показывает

Анне, как ведут себя развратные этуали. Очень достоверно показывает, не всякая женщина так сможет. Потом каскадёры обучают Роберта бить портье так, чтобы тот не помер. Съёмки драки в коридоре заканчиваются счастливым смехом, объятиями и криком «Снято». Совсем в финале Джудит целует зрителя сквозь объектив камеры и на стекле остаётся помада.

Ролик этот собрал миллионы просмотров и получил награду на фестивале рекламы. Компания «Ro&Ro» получила премию за лучшее видео и приз от ассоциации интернет-маркетинга. Жена Роберта сказала, что гордится мужем. Он её счастье, умница и лучший на свете человек. И она никогда не сомневалась в его верности. И розыгрыш сразу раскусила. Она считает, весь замысел великолепен. Даже гениален.

...Дела «Ro&Ro» выправились. Анна числилась уже секретарём-референтом. Она принимала порой вполне директорские решения. С утра спешила она в Башню. До её приезда Роберт не делал ничего, только кофе хлебал. Потом они целый день куда-то спешили, перекусывали на ходу. По домам расходились к полуночи, счастливые от не наступившего ещё завтрашнего дня, в котором они снова будут вместе. Негласный запрет на близость делал их отношения дороже. Оба боялись прикоснуться, лишь бы снова всё не испортить.

Историю в отеле не вспоминали. Будто всё и в самом деле было хитрым рекламным ходом, а не взрывом истосковавшейся плоти. На всякий случай Роберт избегал совместных командировок. Он вообще старался не оставаться с Анной наедине. Будто она Снегурочка, а он – калорифер. Всё бы так и длилось. Но жена Роберта пригласила Анну в гости.

Анна хотела оставить брак Роберта за кадром. Также она предпочитала не знакомиться с поросятами, чья судьба стать шашлыком. И если однажды Роберт разведётся, то пусть жена останется абстракцией, а не знакомой раненой клушей с мокрыми глазами. Приглашение Анну расстроило.

Во-первых, Роберт тем самым предлагал разделить ответственность за разрушение семьи. Во-вторых, хоть на короткое время у кого-то на Роберта окажется больше прав, чем у неё, Анны. В-третьих, пришлось признаться самой себе, что привязанность к шефу шагнула далеко за пределы корпоративного патриотизма. И в-четвёртых, Анна настолько растерялась, что не смогла

выдумать причину для неявки.

...Роберт понял, девушка ищет повод не явиться. И сказал твёрдо:

– Надо идти. Иначе Лаура заподозрит нас в том, чего между нами нет. Между нами ведь ничего нет?

И посмотрел так, что сердце стало жидким.

– Ничего, – ответила Анна.

Жена оказалась тихой домашней уткой с прозрачными глазами. Анна выдержала её взгляд.

– Анна.

– Лаура. Мне Роберт о вас много говорил. Вы очень нам помогли. Благодаря вам наша фирма выжила и даже укрепилась.

(НАША фирма!)

– Спасибо, Лаура, за тёплые слова.

– Это вам спасибо.

Сыновья Роберта на вкус Анны слишком щекасты. С трудом высидели полчаса и сбежали к своим играм. За столом говорили о погоде, школьном образовании и глупости деления по национальностям. Честней было бы все четыре часа молчать. В меню бараний бок, салаты трёх видов, на десерт тирамису. Если бы Лаура в этот вечер отравила Анну, та была бы признательна.

После тихого семейного ужина Анна стала устраивать такие же тихие истерики. Без визга и слёз, просто нервы и словесная чушь. С утра она приходила раздражённая и говорила просто:

- Я увольняюсь.
- Тебе надоел я, зарплата или вид из окна? Надо выбрать что-то одно.
- Я хочу замуж.
- Предлагаю замуж за меня. Исключительно чтобы не потерять ценного сотрудника. Готов скрывать бездушие и цинизм за маской любви и заботы.
- Также тебе придётся скрывать первую от второй и наоборот. Прятаться за шкаф придётся мне, потому что она - не влезет.
- Или же мы можем все принять ислам. Тогда тебе, наоборот, придётся потолстеть. В исламе этакая худоба считается уродской.
- Можешь считать меня эгоисткой, но я бы хотела отдельного мужа. Персонального даже.
- Соглашайся на меня.
- Ты занят.
- Я сделаю так, что Лаура меня бросит.
- Для этого ты должен будешь стать не метафорическим, а реальным козлом. Борода, рога. И, может быть, тогда, лет через тысячу, она задумается о возможности развода.
- А если я брошу Лауру, ты за меня выйдешь? Поклянись.
- Сам вопрос оскорбителен. Разумеется, нет.
- Потому что бросивший раз будет бросать бесконечно?

– Мистика разрушенного брака работает неотвратно. В ней что-то есть от летящего в ночи паровоза. Каренина это тонко чувствовала.

– Вронский не был женат.

– Каренина разрушила СВОЙ брак.

– Кроме литературы на ком проверяла?

– На себе. Не хочу жить в ожидании расставания.

– Я тоже боюсь, что ты меня бросишь.

– Вот поэтому я уезжаю.

– Куда?

– Ещё не решила.

– Чем займёшься?

– Я написала себе рекомендацию. От твоего имени. В ней ты меня хвалишь до неприличия. С таким резюме меня оторвут с руками.

– И с такой попой.

– К сожалению, других моих ценных качеств тебе познать не дано. Ты слишком рано отдал себя другой.

– Обещаю сделать всё, чтобы тебя уволили отовсюду. Тебя надо остановить, как чуму. Пусть я один от тебя пострадаю.

Джудит советовала завести любовника. Говорила, это полезно для тела и психики. На месте Анны она завела бы сразу трёх. Даже знакомила с какими-то стриптизёрами. Но глупая Анна никак не могла начать новые отношения, не

разобравшись с прежними.

Ближе к весне Роберт повёз семью кататься на лыжах. Вместо двух недель отсутствовал целый месяц. Лаура там упала, сломала ногу и пожелала наблюдаться у швейцарских врачей. Бесы ревности, кружившие над Анной с двойной интенсивностью, нашептали шутку – было бы вежливо со стороны Лауры сломать не ногу, а голову.

Анна ужаснулась своей кровожадности. К тому же она знала, как работают страсти. Сначала человек перестаёт отгонять страшные мысли. Потом начинает ими наслаждаться. Обернуться не успеешь, и вот ты уже подпиливаешь лыжу или крепление ботинка, или какие ещё бывают детективные сюжеты на лыжных склонах. Анна решила, хватит мучиться. В романтической её голове возникла картина отъезда, даже бегства. Где она, таинственная и печальная, садится в поезд и едет, едет, интригуя попутчиков своей закрытостью и грустным взглядом.

Анне посчастливилось родиться в маленькой стране. Там некуда путешествовать подолгу. Самый медленный поезд за три часа достигает дальней границы. Время путешествия можно растянуть, если поехать на остров. Земля, отрезанная водой, это всегда другой мир. Как сказал поэт, океан – лучшая аллегория бесконечности.

Анна изучила предложения аренды дач на островах. Ход её мыслей не был оригинален. В мире полно таких же романтических беглянок. Дешевле оказалось снять целый хутор с домашними скотами, чем благоустроенную дачку на берегу. Исключительно из любопытства Анна изучила и хутора. Потом спустилась до отдельных домиков вне курортной зоны. Дешевле всего предлагалась одноэтажная развалюха на острове Муху, где ни дач, ни ресторанов, а только коровы и лес. Зато цена такая, можно арендовать, ни разу не приехать и всё равно не жалко. Фотограф хитрец. Ни одного фото дома целиком. Сняты только винтажные детали – уголок старой кровати, рукомойник, красиво облезшая оконная рама и яблоня в саду. Эти убогость и упадок прекрасно подчеркнули бы грусть красивой женщины. Анна набрала номер и через полчаса внесла задаток. Собственная отвага здорово её взволновала. Полночи Анна ворочалась. Думала, как здорово будет жить в своём домике. Ах, как бы ходила она на берег моря, дышала бы ветром. Как вкусно по утрам там пахнет кофе, как хорошо по вечерам читаются книги. А ночью яблоня стучалась бы в крышу. От скуки Анна

познакомилась бы с соседями. С каким-нибудь простым, но мудрым фермером или рыбаком. Всё это медленно, украшая быт деревенским творогом и сыром.

Мечты влекли, почти гипнотизировали. Анна забыла даже, что хотела дачей подразнить Роберта. Сейчас её тянуло в домик ради самого домика.

Шеф прислал из Швейцарии игривые СМС:

«Горные тени сложились вчера в твой профиль. Напомни, что надо пить при паранойе?»

«Очень хочется на работу. Кофе из автомата, переговоры, бухгалтерия – насколько всё это лучше ресторанов горной Швейцарии!»

«Срочно пришли своё фото. Хозяин отеля не понимает, почему я не хочу остаться ещё на неделю».

Пока арендовала дачи, Анна так же игриво вредничала в ответ. Теперь же интерес пропал. Вообще не интересно стало переписываться. Роберт взялся писать за двоих, встревожился. Анна отвечала редко и односложно. Потом он в очередной раз отложил возвращение. Узнав об этом, Анна прекратила работу в середине дня. Собрав наскоро сумку, прыгнула в автобус и отправилась в новую жизнь.

Через сто километров ей стало страшно. Темнело. По обочинам какие-то ёлки. В конце концов, решила она, в любой момент можно будет вызвать такси и вернуться, сколько бы это ни стоило. Не бедная, слава богу, женщина. Ну, просидит часов пять в гостинице. Или на каком-нибудь автовокзале. Или просто на камушке.

Автобус меж тем вгрызлся во тьму, символизирующую бесконечность не хуже мирового океана. В восемь часов, даже не притормозив, он вкатился на паром. Анна перебралась в бар. Посмотрела, как отползает освещённый причал. Потом два часа крошечной темноты и вот она, мечта дачника. Причал острова Муху. Казалось, он висит в воздухе. Пяток неярких фонарей, чуть асфальта, а вокруг

черное – то ли небо, то ли, наоборот, его отсутствие. Автобус высадил Анну на пустой площади. Десяток сонных попутчиков кивнули друг другу и засеменили в разные стороны, будто опасаясь погони.

Анна включила навигатор и пошла от фонаря к фонарю. Фонари, впрочем, скоро закончились.

– Ну не дура ли я? – спросила она у зимней ночи.

– Продолжайте движение и через пятьсот метров достигнете цели, – вдруг сказал навигатор. Это были самые долгие и страшные пятьсот метров в жизни бывшей танцовщицы, потом секретаря, теперь дачницы. Счастья они не принесли.

Хозяева сказали, ключ лежит в щели под левым подоконником. Анна прощупала щель, ничего не нашла. Усомнилась в том, какая рука левая. Прощупала другой подоконник, не нашла. Включила фонарик в телефоне, пыталась осмотреть тайник. Тьма на острове Муху не боялась фонариков. Наоборот, имела над ними власть. Свет погас. Батарея села, – догадалась Анна. Ну да, в автобусе смотрела фильм, потом навигатор, потом фонарик. К лету её найдут здесь, бездыханную. С рукой, в отчаянии протянутой не то влево, не то вправо, какая теперь разница.

– Может, ключ в траву упал, – сказал сзади мягкий голос.

Анна вскрикнула, обернулась. Мужчина подпрыгнул.

– Тьфу, дура, испугала. Ты чего орёшь?

– А чего вы подкрадываетесь?

– Ну прости, в другой раз повешу себе колокол на шею.

Это женщины во мраке обретают дополнительную привлекательность. Мужчины, наоборот, при свете дня еще терпимы, а ночью становятся крупней и на вид агрессивней. У них много общего с кустами, которые в темноте тоже выглядят как грабители иногда.

Мужчина был бородат и груб. Пахло от него алкоголем и неприятностями. Каждое его движение казалось Анне началом конца. Теперь она жалела, что не спряталась до утра в каком-нибудь сарае. Не так уж и плохо было бродить по этому городу в одиночестве. Куда лучше, чем общаться с этим упырём.

Мужчина достал из-за спины металлическую на вид трубу. «Только бы недолго и не больно», – подумала Анна. В торце трубы загорелся прожектор, по яркости равный паровозному. Полицейский фонарик. Анна вспомнила, что с такими бегают в кино американские копы. Первейшей надобности вещь на острове Муху. Мужчина обследовал траву под окнами. Не испугался встать на колени.

– Нет тут ни хрена – сказал он. – Ты вообще кто?

– Я дачница. Арендовала, вот.

– Сердечно поздравляю. Один день отдыха тут заряжает на десять лет работы где угодно, только бы не здесь.

Мужчине хватило деликатности направить луч на стену, не ослепляя женщину. Но и в отражённом свете Анна была как на сцене.

– От любовника сбежала, что ли?

– Почему от любовника? И почему сбежала? Просто отдохнуть решила от суеты.

– Ну конечно. Я сам сто раз так отдыхал. Пойдём, горемыка.

Мужчина зашагал прочь. Анна пошла следом. Хоть и не безропотно.

– А мы куда? Вы вообще кто?

– Я сосед. Меня зовут Том. То есть Хуго. Хуго Пруст. У меня двойное имя. И у меня кофе есть. Ещё вроде бы котлеты были, куриные. Но не уверен.

Если бы мужик хотел насилия, то давно бы уже изнасиловал, прямо тут... Видимо, не хочет. Странно, почему не хочет? Может, не любит стройных? Вырос, поди, среди поросят. Танцовщиц за женщин не считает.

Анна шла за бородатым через дорогу и кусты, мимо больших деревьев, потом мимо маленьких деревьев. В этой части острова дома не лепятся друг к другу, а стоят каждый на своей полянке. Наверное. В темноте не видно.

- Простите, мой телефон разрядился. Можно я с вашего позвоню?

- Слушай, мне не жаль. Звони сколько хочешь. Но сначала подумай. Ты сейчас позвонишь, напугаешь родителей, те сообщат в полицию, в ответ услышат ругань. Потому что тебя ещё не обидели даже, а просто ведут погреться.

- Я пошлю СМС, что у меня всё в порядке.

Крестьянин протянул телефон. И продолжил лекцию по безопасности.

- Опять же. Ты неделю им не звонила, и вдруг СМС про «всё в порядке». Ещё больше напугаются. Нехорошо убегать, никого не предупредив.

- Я не убегала.

- Тогда не хорошо ехать отдыхать, никого не предупредив.

- А как называется это место?

- Извини, конечно, но я могу сейчас соврать что угодно. Так какая разница? Твой телефон, кстати, даже разряженный, отправляет данные. Его найдут, куда бы я его потом не отвёз. Гы-гы.

Он, конечно, иронизирует, но как-то очень достоверно. У Анны стали подкашиваться ноги.

- Шучу, не бойся. Уж поверь, рядом со мной ты в большей безопасности, чем в любой другой точке острова.

- Вы, наверное, много детективов читаете?

- Да уж. Я тот ещё читатель.

Бывают моменты, когда отопливаемый туалет кажется вершиной комфорта. В этом смысле домик Тома Хуго Пруста очень хорош. Маленький, в один этаж. Студия в стиле «северный прованс». Кровать за перегородкой. По меркам других холостяков, у Тома порядок. Вещи не разбросаны, а аккуратно распаханы по углам. Кофе вкусный. Печенье заметно мягче камня.

– Я вас долго не задержу. Вызову такси и уеду.

– До утра паромов не будет.

– Ой. А во сколько первый?

– В десять. Слева в шкафу бельё и одеяло, сама застелешь.

Хозяин перетащил свой матрас в баню и там улёгся, буркнув на прощание что-то вежливое. Чистое бельё пахло, как и положено чистому белью. Анна застелила место ночлега и мгновенно уснула, не додумав до конца даже слово «приключение».

Под утро замёрзла. За окном рубили дрова. Приятный звук. Что-то в нём настоящее, от простой и честной жизни. Тюк да тюк. А потом слышно, как складывают.

Анна подсмотрела из-за занавески. На вид этому Хуго не то сорок, не то пятьдесят. Вчера, в темноте, он выглядел внушительнее. Неухоженный. Сам лохматый, свитер растянут, с дырами, штаны мешком. Видимо, не женат и пьёт. Простой такой мужичок из провинции. Сама Анна ни за что не повела бы к себе незнакомую женщину, пусть та хоть в балетной пачке гуляет по морозу. А этот – без невротических крокодилов. Настоящий человек. Детективы читает.

Мужичок повернулся и подмигнул Анне. Будто знал, что подглядывает. Анна отпрянула, очень глупо. Надо было помахать в ответ. Она спустила ноги с кровати, попала в старые тапки. С вечера их не было. Значит, он входил. Хочется надеяться, что она в этот ответственный момент не храпела.

Она слышала, как Хуго Пруст внёс дрова в дом, как раздувал огонь. И как потом разгоралось дерево. Уютно, чудесно. Сказал, что газ закончился и яичницу надо жарить на дровяной печи. Анна пошла посмотреть и влюбилась в эту печь. Отныне и навек она решила всё готовить на печи. Даже холодные блюда.

Много лет спустя, с обычной женской мнительностью, Анна предполагала даже, что Хуго применял печь, как змей яблоко. И с тем же фатальным результатом. Ужас улетучился, Анна снова мечтала стать дачницей.

- Через полчаса автобус. Надо собираться, - сказал Хуго Пруст.

Анна всполошилась, стала сгребать вещи, обещала не остаться в долгу. Попросила проводить, но не на автостанцию, а к той избушке, в которую вчера не смогла проникнуть. Мужик пожал плечами.

- Пошли.

В мартовской Прибалтике не бывает приятной погоды. Полгода серо, сыро, холодно. Вода и камни. Но воздух бесподобен. Анна учуяла море. Хотела побежать навстречу этому ветру, с трудом сдержалась. Дача тоже интересно.

Ключ нашёлся там, где и обещали оставить. Почему вчера не нашли - непонятно. За неимением хозяев и других собственных дел, домик представил Хуго. На правах сторожила.

- Дом капитальный, в два кирпича. Для этих мест холодный. Зато фундамент монолитный. Крышу летом перестилали. Камин сначала дымит, потом нормально. Бойлер электрический, новый. На кухне печь, как у меня. Я заметил, вы фанатка.

Анна не понимала про кирпичи и фундамент. Она видела другое: одноместный сказочный замок. Если закрыть глаза и принюхаться - то с видом на море.

- Автобус ушёл. Следующий только в три. Если хотите тут переждать, могу растопить печь.

Мужчине дикой казалась мысль, что кто-то захочет остаться на Муху по доброй воле. Тем более городская штучка на каблуках.

- А где море?

- Технически - везде. Мы на острове.

Настроение было хорошее, Анна терпеливо объяснила.

- Вы посмотрите на меня. Мне не нужно море теоретическое или пароходное. Я ж не танкер. Мне надо простое море, с пляжем для прогулок. Ближайшее, пожалуйста.

- Так бы и сказали, что хотите простудиться. Это вам вниз по улице, за магазином налево, метров триста, там забор, дальше такая дорожка до перекрёстка...

- Понятно. А вы могли бы меня проводить?

Фермер почесал макушку. Делать было нечего, но и лень никто пока не отменял.

- Я дам вам два евро! - не выдержала Анна.

- Два пятьдесят - и сговорились!

- Это, конечно, грабёж, но я согласна.

При внешней заскорузлости изъяснялся Хуго Пруст складно. «Читать полезно» - можно было бы написать на его фуфайке.

- Вы меня, Хуго, вчера насмешили.

- Чего это?

– Ну, когда сказали, что я сбежала от любовника. Надо же такое придумать. У вас отличная фантазия.

– Фантазия ни при чём. Будь вы семейная, приехали бы с мужем. В крайнем случае с папой. В вашем возрасте и с вашей внешностью без любовника можно остаться только в случае тяжёлого психического расстройства. Вы не сумасшедшая. Значит, любовник есть, просто вы его решили проучить побегом.

Анна старательно рассмеялась.

– Просто вы живёте в патриархальном мире. И мыслите штампами. Там, – Анна махнула рукой туда, где осталась цивилизация – всё давно иначе. И жизнь гораздо сложнее, чем вы можете представить.

– Куда уж нам, – согласился Хуго.

Пляж соответствовал самым строгим требованиям экологии. Ни окурочка, ни фантика. Чистейший песок, дюны, мягкая длинная трава художественно уложена ветром. Деревца, будто нарисованные тушью. Остров оказался даже лучше, чем планировалось. Решила ночевать тут. Сосед показал, где находится магазин, потом донёс покупки, одолжил дров, растопил печь, отдал свои масло и кофе, потому что Анна забыла купить. Наверняка он уже жалел о том, что вышел помочь одинокой путнице. Впредь, встретив ночью беспомощную девушку, он побежит в другую сторону.

Наводила порядок, перемыла что смогла. Не заметила, как стемнело. На часах всего девять, а планы закончились. Забралась в кровать, погасила свет. По крыше стучали какие-то ветки, шумел ветер. В таком возбуждении, да ещё с этими звуками заснуть будет невозможно. Так подумала Анна и тут же заснула.

С утра было немножко одиноко, но потом Анна прекрасно развлеклась с печью, с дровами, с бойлером и снова с печью. Дом был живым существом. Он умел так занять, что времени не замечаешь. На приготовление завтрака у Анны ушло три часа. Судя по темпу работ, чтобы помыться в бане, начинать топить следует за сутки. Анна собралась идти к соседу за дополнительными дровами. Потом она

себе закажет, а пока заплатит ему вдвое, пусть порадуется крестьянин. И тут к дому подъехал лимузин. И одним своим видом разрушил застенчивый сельский рай. Был он чёрный, надменный. И вышел из лимузина, разумеется, Роберт. Анна поняла с удивлением, что почти ему не рада. Да и сам Роберт выглядел злым и усталым.

- Что со Швейцарией? И как ты меня нашёл?

- Наша телефонная компания показывает, в какую глухомань забрался любой из телефонов, оплаченных фирмой. В другой раз меняй аппарат и карточку. Ничего, мы вырастим из тебя шпионку. Как ты тут?

Роберт бесцеремонно вошёл в дом. Будто всё, связанное с Анной, принадлежит и ему. С его точки зрения, Анна ведёт себя как ребёнок. Но игру пора заканчивать, потому что уроки, ужин, пора домой. Анну разозлила его усмешка.

- Надень тапки, я полы вымыла.

В носках Роберт не мог так важничать. Разувшись, он признал серьёзность дачи. Но всё равно ворчал.

- Хватит дурить, поехали.

- Я не поеду.

- Ну всё, прости меня. Ты нужна мне. Мы обязательно изменим всё, как нам хочется. Поехали, в дороге поговорим.

- Я никуда не поеду.

Роберт отвернулся, сунул руки в карманы. Видно было, у него заходили желваки. Запас благодушия оказался невелик.

- И что мы злимся? В Швейцарии отдохнуть не удалось? - поддела Анна.

- Послушай, я не знаю, что там у тебя, фаза луны или весеннее остервенение. Хочешь меня позлить - ради бога. Как перебесишься - возвращайся.

Сказав эту якобы миролюбивую речь, Роберт прыгнул в ботинки, потом в машину – и уехал.

– Если бы ты не предупредила, что не сбежала от любовника, я бы подумал, что это именно любовник приезжал. Так прям всё выглядит. Но раз не он, значит, не он. Ты ж не будешь врать.

Хуго Пруст оперся на забор. Непонятно, застал ли он всю сцену или только финал. Анну подмывало метнуть в соседа вилы. Пруст стал перелезать через забор, зацепился, упал неловко – и злость сменилась жалостью. Глупое женское сердце. Хуго отряхнулся, поднял из травы пакет.

– Я тебе сыра принёс домашнего. И колбасы. Наши делают. Очень вкусно.

И тут Анна расплакалась.

По всем расчётам, она должна была вернуться до выходных. Потому что деревня, коровы, март. Но неделя прошла, Анна не появилась ни в субботу, ни в воскресенье. Роберт держал паузу, не звонил. В понедельник тревога победила гордыню. Ходить по офису и не видеть её становилось всё трудней. Роберт решил вернуть беглянку хоть хитростью, хоть силой. Кое-как раскидав дела, он помчался на Муху.

На звонки Анна не отвечала, домик был заперт, но из трубы шёл дым. Значит, где-то здесь. Роберт обошёл строение по кругу – никого. За домом гора дров, привезли недавно. Дело плохо. За неделю Анна не взвыла и не спалила остров. Заскок мог стать хроническим заболеванием.

За деревьями что-то пилили. Роберт пошёл на звук и увидел этакую будку. Формально, конечно, тоже дом. Во дворе топтался мужик. Такой же неброский, как его жилище. Роберт знал по урокам литературы, в деревне принято разговаривать не спеша, а главный вопрос нужно задавать только после слов о погоде и видах на урожай. И ещё, не следует подходить к собеседнику близко. Лучше всего орать через улицу. Роберт в меру сил улыбнулся и сказал.

- Прекрасный день! Говорят, морозов уже можно не ждать!

Хозяин сарая этикетов не соблюдал. Пропустил и вежливые приветствия, и болтовню ни о чём. Сразу перешёл к делу.

- Невесту ищите? Она на площади сыром торгует. Павильон 12-А, кажется.

- В каком смысле сыром торгует? На какой площади?

- У нас одна площадь. Центральная, привокзальная, ратушная, она же рыночная. Сегодня ярмарка.

Сказав это, мужик включил мотопилу. Разговор был окончен.

Роберт не помнил, чтобы при нём Анна была такой счастливой. Румяная, приплясывает на холоде, пересмеивается с соседками. Отличный пример ветрености и непостоянства. Забыла всё. Пусть даже ничего не было, всё равно неприятно.

- Почём товар, селянка? - поддержал игру Робет.

- Отдам на пробу по десятке. Когда возникнет стойкая зависимость, будет дороже.

- А если у меня зависимость не к сыру, а к продавщице?

- Всё в твоих руках, Роберт. Пока ещё всё в твоих руках.

- Ну, тогда бросай этот балаган и поехали. Буду искупать вину.

Анна опустила глаза, сказала тихо - нет.

- Та-ак, - сказал Роберт, - мне надо походить.

Его бесило тут всё. Простоватые рожи местных, сельская архитектура 14-го века. Даже воздух казался слишком пронзительным. Заложив широкий круг по ярмарке, напробовавшись колбас и запеканок, он вернулся к палатке 12-А.

- Послушай, тут есть какой-то ресторан? Поговорить надо.

Вожжа, попавшая Анне под хвост, оказалась гигантской. Женщина не захотела покидать место службы до окончания ярмарки. Она дала Роберту ключ от домика. Сказала: если хочешь – подожди.

Роберт принял вызов. Тоже притворился крестьянином. Подтянул шурупы дверных петель, примотал верёвкой упавший водосток, а потом долго и с удовольствием рубил дрова. Мимо проходил сосед, тот, что с пилой. Раскланялись. В сумерках вернулась Анна, принесла еды. Вместе готовили, болтали о пустяках. Как-то незаметно втянулись и до самого утра играли в мужа и жену. И не было на свете пары счастливей.

А утром снова каждый за своё.

- Поехали отсюда!

- Твоей женой уехала бы. Любовницей не поеду. А лучше ты ко мне переезжай.

Гладила его по волосам, он тащил в кровать, ловким приёмом вывернулась. Ругались, плакали, целовались. Договорились вот до чего. Анна открывает свою сыроварню. Здесь, на острове Муху. Роберт участвует в качестве совладельца и бездонной денежной бочки. Несколько дней в неделю Анна работает у Роберта, но по желанию приезжает на Муху и проводит здесь столько времени, сколько захочет.

- Ты не потянешь сыроварню. Не знаю технологии, но наверняка в этом деле встречаются тяжёлые предметы. Вёдра с молоком, например.

- Мне Хуго поможет.

- Этот бомж, сосед?

- Почему бомж? Он фермер. Просто небогатый.
- Думаю, он пропьёт твоё предприятие.
- Значит, твои мечты сбудутся, и я вернусь в город.

Помолчали.

- Этот Хуго, кстати, только внешне алкоголик. Так-то он сообразительный. Детективы читает.
- Может, ты и права. Даже здорово будет, если ты ему поможешь. Представь, как он живёт. Глушь, грязь, холод. Он из своей деревни в жизни не выезжал, наверняка. Заложник места рождения. Бедолага. Не дай бог так. Найми его сторожить. Может, подправит чего.

Анне понравилась эта мысль. Она дотянулась и чмокнула Роберта в щёку.

- Здорово! Буду платить ему полсотни в месяц!
- Твоя доброта его погубит. Сопьётся же. Тридцатки хватит.

Том Ларсен

(Задолго до приезда Анны на остров Муху)

По числу случайных связей на первом месте работники полиции. Непонятно, откуда в них такой объём сексуальной безответственности.

То ли дело гражданская авиация, второе место рейтинга. Там красивые костюмы. Одетый работник выглядит привлекательней раздетого. Пилоты и

стюардессы часто ночуют в одном отеле, где страдают от тоски и одиночества. Экипаж невольно сплачивается, а мораль падает.

На третьем месте медики, их тоже можно понять. Белые халаты, строгие хирурги, хорошо продезинфицированные медсёстры, жизнь, смерть и койки во всех помещениях. На месте медиков никто б не удержался.

На четвёртой строке артисты. Им влюблённость дороже воздуха. Без искренних чувств образ не создашь и зрителя не обманешь. А когда весь день играешь в любовь, нет-нет, да и прихватишь работу на дом.

И всех этих красивых людей, неожиданно, опережает полиция. Непонятно. Никакой там романтики: скандалы да мордобой. Лица невзрачные, костюмы сидят криво. Но живёт в каждом полицейском что-то трепетное. Нежный котик или влюбчивый зайчик. Вот и летят по кабинетам – брюки на люстру, юбка на шкаф.

Первым ходок в столичной полиции заслуженно считался капитан Том Ларсен. Статистика не измеряла точно его вклад, но ясно было, этот вклад огромен. Том красив и эмоционален. У него мундир по фигуре. В полиции фигур вообще не много. Приличных костюмов ещё меньше. Том внимателен. Любую женскую трескотню он слушал с интересом. Украшения, кофточки, планы путешествий, истории свадеб или разводов, что угодно. Капитан сам просил уточнить цвет туфель. Сам! Ещё он помнил имена подруг и передавал приветы мамам. Если случалась беда, он бросался на помощь. Вытаскивая каблук из ливневой канализации, он ломал и каблук, и канализацию. Но сам порыв очаровывал. К тому же женщины находили в Томе надёжность и ответственность.

По необходимости он верил гороскопам, даже знал про себя, что Овен. Ещё он никогда не сердился. Не обзывался, не повышал голос. Женщины не боялись, что капитан станет трясти их за плечи, требовать еды или вспомнить невспоминаемое. Наоборот, во всех сложных ситуациях Том сначала предлагал женщине белого вина, а потом полагался на обстоятельства. И обстоятельства шли ему навстречу. С ним можно было капризничать от души. Вот этой-то душой женщины к нему и тянулись.

Он вставал довольно поздно, не спеша завтракал. Приходил на работу с целью точно поработать. Вдруг из воздуха, из неясного трепета, сплеталась женщина, жертва криминальных обстоятельств. Начинался разговор. Переливы и мелизмы у женщин несут больше смысла, чем слова. Обычный «привет» может быть объявлением войны, клятвой верности, требованием денег, приглашением в кровать, мольбой о прощении, угрозой, отказом, согласием, может быть признаком счастья, отвращения, удивления от такой наглости или знаком сексуального нетерпения. «Привет» может быть рыданием, заявкой на развод или стоп-словом. Лишь в редких случаях он оказывается просто приветом. Для указания точного смысла женщине хватит жеста или взгляда. В свою очередь для жестов и взглядов у них существуют огромные толковые словари.

Обычно к обеду Том Ларсен уже бывал влюблён. И к вечеру почти женат. А утром всё повторялось снова. Ещё у него был пистолет, дающий плюс пять пунктов к обаянию. Женщины невольно подсаживались ближе. (Рядом с вооружённым капитаном чувствуешь себя моложе). Том Ларсен брал потерпевшую за руку или за колено, в зависимости от стадии расследования. Но дальше не продвигался. Будто хотел полюбоваться – и ничего более. Женщина ждала, ждала, а он всё сидел и сидел. Ожидать любви можно месяц, год, но не целый час. В соблазняемой зрело недоумение. Она задумывала провокацию. В этот-то момент Ларсена и следует считать жертвой трагических обстоятельств.

Немного о детстве. Мама капитана пошла однажды в кино и там влюбилась в Жана Маре. За собственные двадцать копеек разбила себе сердце. Рана плохо затягивалась. Когда папа капитана вбивал гвоздь или подметал пол, мама говорила:

– Ты сейчас вылитый Жан Маре.

Если же папа возвращался во хмелю и без зарплаты, мама говорила:

– Да. Ты не Жан Маре.

Маленького Тома Ларсена записали во французский лицей. Там, послушный родительскому ремню, он выучил половину французского языка. Этой половины хватило, чтобы среди друзей-подростков прослыть идиотом.

Том закончил филологический факультет, отделение французской литературы. Пробовал работать учителем. Когда желание убивать школьников стало неодолимым, перешёл преподавать в школу полиции. Там учились те же негодяи, только вместе с аттестатом им выдавали пистолеты. Том на себе прочувствовал, насколько издеваться веселей, чем преподавать. Тогда он тоже сдал экзамены, получил погоны лейтенанта, пистолет и наконец-то ощутил себя человеком. От детства в памяти остались лишь пара фраз и одна французская песенка. В переводе похабная, но мотив приятный. Этих знаний хватало для соблазнения даже очень замужней женщины.

Сначала Том не понимал истинного смысла работы полицейского. Он стеснялся девушек и мало пил. Из-за таких извращённых взглядов у него было свободное время. Том изучал музыку, историю других стран и на дежурства ходил без ненависти к службе. После трёх лет в патруле Тома приписали к отделу криминальных преступлений. Собеседование проводил начальник отдела. Он спросил о главном.

– Пьёшь?

– Если нальёте, выпью! – лихо ответил Том.

– Женщин любишь?

– При всякой возможности!

На этом собеседование закончилось. Ларсен не представлял ещё, какой самоотдачи потребует выполнение этих двух основных задач.

Настоящая цель полицейского не предотвратить преступление, а избежать его регистрации. Тут филологическое образование очень пригодилось. Протоколы опроса верно описывали события. Но за счёт правильного подбора синонимов так выходило, что потерпевший не испытывает грусти, всех прощает и обещает впредь не искушать хулиганов своей беззащитностью. Если потерпевший упрямялся, ему читали вслух уголовный кодекс. Это волшебная книга. Во-первых, удар ею не оставляет следов. Во-вторых, в ней есть статья для всех, кто

не убежал, пока была возможность. Вершиной полицейской удачи считалось подбрасывание случайного трупа на территорию соседнего участка.

Начальство радовалось успехам Тома Ларсена. В его смену наступали тишина и всеобщая любовь. Хулиганы, воров и алкоголики мистически теряли дееспособность. Работа спорилась, пока не встретилась одна бабка. Прибежала, говорит, кошелёк украли. В трамвае второго маршрута. Том Ларсен взялся опросить несчастную. После трёхчасовой беседы старушка согласилась, что сама виновата. Ларсен объяснил:

– Я могу, конечно, дело завести. Но скажу честно, ничего мы не найдём. А вам придётся ходить сюда, как на работу. Протоколы, опросы, опознания, следственные эксперименты, валидол пачками. Засады в трамваях, даже погони. А ловля на живца? (Ларсен показал, кто будет живцом, бабка перекрестилась). А ведь может быть такое, что вы просто выронили кошелёк? Ведь может?

– Может, – вздохнула бабка.

– Ну вот. Кто-то подобрал, а мы его поймаем и посадим. Это хорошо?

– Не очень, – согласилась бабка.

Том записал: «Пострадавшая допускает, что сама потеряла кошелёк. В возбуждении уголовного дела отказано».

И всё бы хорошо, но старуха оказалась мамой министра культуры. Кто не знает, в демократических странах культура – лишь частный случай пропаганды. И соответствующее ведомство может быть страшной министерства обороны. Потому что военные всего лишь убьют, а министерство культуры испоганит настроение и так жить заставит.

Все полицейские начальники вызывали к себе Ларсена и насиловали, насиловали. Две недели, без перерывов на сон и туалет. Говорили одно: крутись как хочешь, но преступника поймай и посади. Не сможешь поймать – роди, вырасти и посади.

Том решил не сдаваться. Отбросив остатки совести, задумал многоходовочку. Сначала притащил в отделение стукача, наркомана по кличке Гной. По совету старших товарищей Том залил свинцом грецкий орех. Такой орех, спрятанный в кулаке, обладал большим убеждающим эффектом. Гражданин Гной некоторое время кокетничал, потом дал наводку. Его лучший друг Арвид по кличке Фистула собирается бомбануть киоск. Сложными путями, чтобы, не дай бог, тень предательства не легла на Гноя, Фистуле была донесена история о нерадивом киоскёре, который оставляет на ночь деньги в кассе.

Следующую неделю Том Ларсен ночевал в указанном киоске под столом. Фистула оказался здоровей, чем ожидалось. Но Ларсен так болел душой о кошельках, что шансов не было бы даже у медведя.

Ларсен предложил наркоману целый ряд альтернативных сюжетов. Говорит, могу тебя отметелить, потому что настроение плохое. Потом спишу все ограбленные киоски, добавлю нападение на полицейского, избиение киоскёра и, бонусом, скопившиеся в отделении висяки. Итого лет на десять строгого режима.

Либо второй вариант. Участие в небольшом спектакле. В награду год условно, с престижной статьёй «карманная кража».

Фистула задавил свою честность в пользу искусства. С детства мечтал стать актёром, признался он. Наркоман заучил описание кошелька. Запомнил где и когда пришло в голову встать на путь порока. Второй трамвай, какая из себя бабушка, где держала сумку, на какой остановке сошёл. Но чистосердечного признания мало. Старуха должна была узнать Фистулу среди таких же криминальных рож. Для этого наркомана в сопровождении оперативников катали во втором трамвае. Ряженный должен был подойти к бабке, несильно толкнуть, покашлять в ухо или любым другим способом обратить на себя внимание. Упражнение повторили несколько раз. Предупредили, переигрывать нельзя. Недопустимо, например, сбивать старуху с ног или внезапно целовать.

Ларсен заготовил фотографии мрачных типов. Несколько раз спрашивал потерпевшую, не узнаёт ли она своего упыря среди этих мерзких преступников. Все фото менялись, кроме той, на которой был Фистула. Задание повторялось, пока бабка не научилась узнавать нужного кандидата стойко и без дополнительных намёков.

И вот тогда произвели опознание. Ввели пятерых. Старуха внимательно осмотрела каждого. И выбрала майора Айгара Доббса почему-то. Майора пришлось заменить, опознание повторили. Теперь бабка не узнавала никого. Ходила мимо строя, принюхивалась. Нет, говорит, не эти. «Так мы никогда преступность не победим» – подумал Том. И тут Фистула догадался покашлять.

– Он! – вскричала старуха. – Точно он, сволочь!

Фистула сел на год. Якобы украденные деньги Том Ларсен вернул торжественно, прилюдно. Снял необходимую сумму со своего счёта. За блестящее расследование ему дали капитана. Впредь он брался за дело только после составления полного генеалогического древа потерпевшей стороны.

Всё изменилось после Ульрики. Блондинка. Пальцы длинные, глаза печальные. В её квартиру вломилась вора. Не пожалели красивую женщину. Вынесли деньги, шубу и все электрические приборы, даже сломанные. Криминалисты осмотрели место преступления. Оперативники опросили свидетелей. Ни отпечатков, ни окурков, ни лишних следов. Соседи ничего не видели. Вора сработали чисто. Это значит, кражу раскрыть невозможно. Так было и теперь. Криминалисты уехали. Капитан Ларсен остался ждать начальника отдела. Подполковник Паэгле должен был подъехать, но задерживался. Его работа самая важная. Покачать головой, поскулить о слабом финансировании.

Ульрика успокоилась и даже умыла чёрные потёки на щеках. Полицейский капитан и морячка сидели, говорили об опасностях современного мира. Ларсен говорил, поймает, накажет. Не сразу, но однажды. Потерпевшая нашла в кухонном шкафу недопитый коньяк. Домашний розлив, бутылка без этикетки. Будь этикетка, и этот коньяк бы унесли вора.

Выпили, ещё поговорили. Ульрика пожаловалась на мужа, редко бывает дома. По шесть месяцев ждать – нет-нет да и задумаешься об уходящей молодости. Ларсен выразил сдержанное сочувствие. Зато, сказал, в семье хороший доход и настоящая страсть каждые полгода. Выпили ещё. Ульрика показала свои пляжные снимки. У неё отличные ноги, видно и без фото. Compliments приняла без смущения. Спросила, каково семейное положение капитана. Он ответил – холост, но здоров. Просто времени нет на эту отрасль. Ульрика погасила верхний свет, зажгла уютный торшер. И тут приехал подполковник Паэгле. Как и

положено, он скулил и качал головой. Обещал найти и наказать.

– Ну, что, идёшь? Или ещё надо поработать? – спросил начальник и надел фуражку.

– Да-да, конечно иду, господин подполковник. – Ларсен поднялся. Поправил кобуру, надел пиджак.

– Вы же кофе не допили! Если никуда срочно не надо, можете ещё меня допросить. Может, я что-то вспомню, – сказала Ульрика.

– Нет-нет! Мы и так вас растревожили. Отдыхайте! – сказал Том.

– Да я не устала.

Она улыбнулась. И он улыбнулся. Потом она осталась, а он вышел. Когда полицейская машина въехала во двор отделения, подполковник Паэгле обернулся к Ларсену.

– Ну ты и мудака! Потрясающий мудака! – сказал он. Капитан светился на заднем диване густым красным цветом.

После дежурств Том Ларсен засыпал. Дрых крепко, как сфинкс, как зимний клещ. Ни солнечный свет, ни телефон, ни трамвай за окном не могли его разбудить. Так было всегда, кроме той ночи, когда он встретил Ульрику.

– Вы же кофе не допили! – звенело в голове.

Том насильно разделся и лёг. Потому что так надо. Пробовал думать о работе. Писал в уме скучные отчёты. Но все они заканчивались словами «можете ещё допросить». К отчёту прилагались фото потерпевшей. Сначала в купальнике, а потом без. Том решил не сопротивляться. Представил, как Ульрика встаёт и сбрасывает халат. Как обнимает за шею. За полчаса капитан пережил многое. Смял постель, но заснуть не смог.

Наваждение длилось неделю. Работа не делалась, аппетит пропал. Под глазами появились круги. Несколько раз, обознавшись, Том гонялся за похожими девушками.

Тогда он выписал на складе улик абы какие кольцо, миксер и кошелёк. Ему нужен был повод для встречи. Собрав портфель с вещдоками, пришёл к Ульрике. Дверь открыл чужой мужчина. Том показал удостоверение.

- А, вы по поводу кражи! Нашли что-нибудь?

- А вы, собственно, кто? - спросил опер.

- Я, собственно, муж, - сказал мужчина и зевнул. Ларсену не понравился этот зевок. Раздражала мысль, что кто-то другой мог не выспаться с Ульрикой. Раз в полгода.

- Милый, кто там? - спросила девушка из глубины квартиры.

- Полиция.

Она вынырнула из-за спины своего бугая. Заспанная, красивая. Такая невинная, будто не она врывалась в сны капитана. Будто не она вот только этой ночью дразнила то ногой, то грудью. Ларсен сглотнул. Показал миксер.

- Ваше?

- Нет.

- Жаль. Очень жаль.

- Мне тоже.

- Ничего, не расстраивайтесь. Ваш тоже найдётся. До свидания.

Том спустился во двор, натёр себе снегом уши. У забора стоял снеговик. Том вырвал морковь с корнем, крупно откусил, огрызок прилепил на шар,

символизирующий бёдра. Исполнив это непотребство, капитан поклялся никогда, никогда не упускать шансов. И немного перегнул, женился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/slava-se/kogda-utonet-chereraha>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)